

Сковородка судного дня

Автор:

Татьяна Коростышевская

Сковородка судного дня

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Панна Моравянка, что держит трактир в славном городе Лимбург, видит призраков. Об этом почти никто не знает. Зато почтенные горожане осведомлены о наличии у панны наглых манер, острого языка и поставленного хука справа. Ну а призраки больше всего боятся попасть под удар ее карающей сковородки.

Татьяна Коростышевская

Сковородка судного дня

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

* * *

Пролог

Эта история начиналась как забавный анекдот: однажды гном, маг и фея сидели на верхушке горы и беседовали. О чем? Да как обычно: о том, что с вершины

Авалона мир Спящего выглядит как морская звезда, что пять ее лучей, четыре королевства – Скасгардия, Ардера, Домания, Малихабар и Тарифское княжество – более или менее процветают. Особенно Тариф, столь удачно расположенный, что через его территорию на священные горы стремятся паломники со всего мира. Что иногда королевства воюют, но, впрочем, война является частью человеческого мироустройства.

Мага звали Этельбор. Широкоплечий, темноволосый, по человеческим меркам отнюдь не красивый. Впрочем, внешность занимала его мало, он мог принять любое обличие, выглядеть на любой возраст; то, каким его видели сейчас, было скорее сентиментальной данью прошлому. Ну и супруга мага, по слухам, предпочитала видеть его именно таким.

Гном или, если угодно, подгорный цверг, носил имя Брок. Он был кузнецом, изготовителем волшебных артефактов, знаменитым во всех обитаемых мирах. Вот и сейчас в центре выложенного камнями кострища стоял на огне пузатый колдовской котел его работы, принадлежащий третьей участнице посиделок, красноволосой и красноглазой фате Леонидии, тоже персоне известной.

Котел требовал починки. То есть его владелица была в этом уверена.

– Невкусно получается, – поясняла Леонидия, – а в истории самое главное, чтобы пряная была, чуть сладкая, слегка от слез соленая, наваристая, как охотничья похлебка.

– Ты в этой посуде их готовишь? – переспросил Этельбор, приносиваясь к вареву. – По старинке?

– А то! – фыркнула фата. – А после уж ваши сказители их по книжкам новомодным растаскивают. Чего нос кривишь? Сама знаю, невкусно.

– Видимых повреждений здесь нет, – сообщил Брок. – Может, с рецептом ты где-то ошиблась?

На поверхности кипящего варева лопнул пузырь, раздался девичий голосок:

– Я – Мармадель, графиня Шерези, и сейчас я вам здесь устрою...

Голосок истаял, развеялся.

– Начало новой истории? – спросил Этельбор. – О юной ардерской дворянке и бессмертном? Наверняка они друг другу судьбой предназначены, но сначала этого не поймут, встретятся в какой-нибудь условной академии...

Действительно, не особо вкусно.

Фата смущенно потупилась:

– Согласна, неоригинально, но поверь, я бы из этих исходников деликатес смогла бы приготовить. Но увы, наш бессмертный ингредиентом быть отказался.

Маг невесело улыбнулся:

– Наслышан. Лорд Мармадюк возжелал судьбу и предназначение обыграть. Так бывает, Леонидия, мы, люди, часто, ощутив бесконечность бытия, хотим сами им управлять. Ничего страшного, у этой девочки, юной графини, другая жизнь будет, не менее занимательная. Позволишь?

Этельбор наклонился над котлом, всматриваясь в бурлящее варево, поморщился:

– Однако...

– Чего там? – заинтересовался цверг. – Мармадюк от этой вот малявки сбежал? Ну так и я бы не остался. Соски с пеленками, погремушки, фрейлины...

Он отшатнулся от кипящих брызг:

– Ой! Жалко как младенчика! Так ведь не должно было быть?

– Не должно, – согласилась фея, – юная графиня должна была в любви и спокойствии до семнадцати лет расти, а потом, ощутив в себе магические силы, в академию для учебы отправиться. Первая женщина-маг, шутка ли. Там она повстречала бы усталого от жизни и побед волшебника... Эх... Они же ниточкой судьбы крепко накрепко связаны...

– А теперь, – перебил Брок, стирая сентиментальную слезинку, – девочке придется на следующий круг перерождений отправляться?

– Из-за того, что какой-то высокомерный болван плетение ее судьбы порушил. Ты в котел-то смотри, не отворачивайся. Когда дружок ваш в вышние сферы вернется, а он вернется, ничего с ним не сделается, расскажи мерзавцу, что он натворил. И ты, Этельбор, не отставай, это и твоих рук дело, учитель всегда за учеников в ответе.

– В фате Леонидии, – задумчиво проговорил маг, – тоже вина говорит. Это ведь ты сотни лет назад эту историю про предназначение придумала. Однако ребенок все еще жив...

Его собеседники синхронно склонились над котлом, фея ругнулась, хлопнула в ладоши:

– Любопытно получается, месть как движитель сюжета...

– То есть Мармадюк не от Мармадели сбежал? – уточнил Брок. – Потому что мне он особо ничего не объяснил... погоди, Леонидия, тогда мы должны что-нибудь сделать? Помочь как-то?

– Должны. – Густой голос Этельбора вознесся над вершиной Авалона. – Немного и не привлекая внимания вышних сфер. Девушка не должна страдать, а Мармадюк... Что ж, пусть он получит свое испытание.

Фея отвела взгляд алых мерцающих глаз от варева, прищурилась:

– Время будет идти своим чередом... что нам время... Тариф, предгорья, нарядный, как будто пряничный городок... Это будет совершенно новая история.

Глава 1

Прекрасная трактирщица

За полчаса до полудня со стороны села Застолбеньки в славный город Лимбург зашел молодой человек лет двадцати семи. Сапоги его были покрыты дорожной пылью, плащ истрепан и, кажется, прожжен у подола, на поясе болтались пустые ножны. Молодой человек был смугл, носат, его черные, как сливы, глаза рассматривали пустынную по случаю зноя и отсутствия событий улицу с веселым недоумением.

«Иностранец, – подумал пан Рышард, как раз раскуривший обеденную трубочку на крыльце своего дома. – Паломник, от своих отбился, вот и заплутал. На гору-то священную от Князева поднимаются, ему бы обратно через Застолбеньки на тракт... Пояснить надобно, да он, наверное, по-нашему не понимает».

Пришелец, заметив Рышарда, растянул в улыбке губы и на ходу что-то забормотал.

– В Щебжешине жук жужжит в лещине... Щекастеный щуплый щенок, жовиальная жужелица... – донеслось до успешного испугаться горожанина.

На всякий случай пан Рышард сложил из пальцев обережную дулю, которая, как всем известно, отворачивает от добрых людей всякие иностранные колдунства, жовиальные в том числе.

– Доброго денечка, вельможный пан, – сказал молодой человек, рассмотрел внимательно грозную дулю и быстро скрутил ответную. – Здоровеньки... То есть долгих лет вельможному пану и прочих радостей.

Говорил гость по-тарифски с акцентом, как будто многочисленные шипящие звуки не помещались у него во рту, но бойко. Рышард расслабил пальцы, затаился, выпустил клуб дыма:

– И пришлому пану не хворать. Так скажу: ежели пан собирался на священную гору подниматься...

– Невесты в ваших краях есть? – невежливо перебил юнец и подмигнул старой Агнешке, высунувшейся из окошка соседнего дома на разговор. – Вижу, красавицы имеются.

Та захихикала:

- Звать тебя как, хлопчик?

- Мареком, тетушка. - Пришлый перешел на простецкий говорок, почти утратив акцент. - Бродяжка я бездомный, от деревни к деревне хожу-брожу, чтоб когда кто краюшку черствую отжалел да водицы немного, да уголок, чтоб переночевать.

- Видали мы таких Мареков, - не унималась старуха. - По масти ты чистый Мигель доманский.

«Стара Агнешка, почти слепа, а пришлого рассмотрела, - подумал Рышард. - Точно из Домании этот пан к нам пожаловал. Вон носище какой. Или не пан?..»

- По масти - да, - не спорил назвавшийся Мареом, - так то снаружи. А внутри - свой, местный.

- А к нам чего? На трактах не подают?

- Пани несусветное что-то бормочет. - Рышард решил вернуть себе главное место в разговоре. - Где это видано, чтоб здоровые да молодые побирались? Работник это, наниматься пришел.

- Точно! - обрадовался Марек. - У кого в Лимбурге дочки пригожие, к тому и наймусь.

На улице уже собирался народ, потому что, хотя зной никуда и не делся, причина покинуть жилища появилась. Событие! Шум, гам, болтовня. Франчишка, мясникова дочка, успела даже домой сбегать, переодеться, чтоб товар, так сказать, лицом представить. У Марека-балагура каждой девице и пани ласковый взгляд нашелся да пара-тройка жарких словечек. Петрик, подручный мельника, даже сплюнул от злобы:

- Видали мы таких работников, с ручонками холеными.

Над Петриком посмеялись: все знали, что он к Франчишке женихается, только ради него панна Богуславова отчего-то монист драгоценных на шею не цепляла.

Сам Богуслав, мясник, дернул дочурку за руку, шикнул, чтоб не позорилась, и сказал рассудительно:

– Никогда такого не было, чтоб работник себе хозяев выбирал. И теперь не будет. А ежели пришлый пан наших девок портить надумает...

Он многозначительно замолчал. Марек посмотрел на мясницкий тесак в руках почтенного горожанина и интерес к разговору потерял, его черные глаза скользнули вдоль улицы Княжей, поднялись к холмам:

– Замок у вас какой замечательный.

– Замечательный, – согласился пан Рышард, – только не замок, дом. Бургомистровы палаты.

– Ежели пан Марек, – пискнула Франчишка, – желает в Лимбурге задержаться, ему обязательно надо в канцелярии у бургомистра бумагу подписать.

– С этого и надо начинать, – поддержали в толпе, стали наперебой советовать, как и что вельможной панне Ясне сказать, чтобы она документы выправила.

Пришлый кивал, улыбался, даже не пытаясь запомнить разнообразные важные сведения. Старая Агнешка зычно прокричала:

– Остыньте, добрые люди. Или у вас вся работа по хозяйству переделана? Или не стынет обед на ваших кухнях? – И обратилась к Мареку уже потише. – Ко мне, хлопчик, ступай; пока суд да дело, поможешь по мелочи старухе, а я тебе закуток какой для ночевки отведу. Расходитесь, добрые люди, вечером наш гость, по обычаю, с вами пару кружек пива опрокинет, колбасками закусит, тогда и поговорите.

Спасенный от народного внимания Марек вошел в дом Агнешки, вежливо поклонился, сложив перед грудью руки:

- Спасибо, вельможная пани. Только колбасок я не ем.

Старуха вернула поклон и сдернула накидку с парадного гостевого кресла в гостиной, сама опустилась в хозяйское:

- Смерть моя близко, потому врать не смей.

Марек осматривал чистенькую обстановку, но при этих словах подобрался, уставился на Агнешку глазами-сливами:

- Что в моей истории вызвало недоверие вельможной пани?

- Из тебя, чернявый, работник, как из меня бургомистр. Точно Петрик с мельницы заметил: не трудился ты ручками и не побирался. Одежда на тебе дорогая, не наша. Под плащом почти не видно, но у ворота раньше кружева были и шитье канительное по груди. Золотое?

Марек кивнул:

- Пришлось спороть и продать. Вельможная пани швея?

- Именно. Сорок годков и еще девять с иголкой крючилась. И знаешь, что скажу? Старинная у тебя одежда, не по моде. Такую как раз четыре десятка лет назад носили.

- Два, - пробормотал пришлый, - но не важно, продолжайте, пани хозяйка. Может, я по случаю дорогим нарядом разжился?

- Нет, хлопчик, - вздохнула старуха. - На тебя шили, по меркам, и подгоняли по фигуре, на что угодно поспорю. А еще поспорю, что сначала ты Рышарду правду сказал: за невестами ты в Лимбург явился, за какой-то только тебе нужной панной. Только из соседских девиц ни одна тебя не заинтересовала.

Марек хищно оскалился:

- Сначала всех нужно посмотреть.

Агнешка опять вздохнула:

– Боюсь, что с теми девами, что тебя на горе священной лобзали, ни одна земная в сравнение не идет.

Пауза в гостиной повисла тяжелая, густая, пришлый удивленно приподнял брови. Старуха пояснила:

– Раньше, когда я еще девчонкой была, у нас таких, как ты, больше бывало, замороженных паннами-феями с волшебных гор да в мир отпущенных. Не приживались они у нас.

– Почему?

– Да кто вас, чародеев, разберет. – Агнешка хихикнула. – К сестрице моей Фране, помню, один такой отпущенец сватался, обещался тайны какие-то открыть, заморочил. Вдвоем ушли, за тайнами. А ты, волшебник, за какой явился?

Вопрос прозвучал резко, и Марек тряхнул головой, как ото сна. Черные, как крылья ворона, волосы рассыпались по плечам:

– За своей, вельможная пани, за своей личной тайной. А еще за памятью.

Таиться дальше он не стал:

– Кто я и откуда, не помню. Авалонские феи меня из реки Забвения вытащили, память в ней осталась... Разумеется, за спасение мне пришлось их отблагодарить, и благодарность эта лет на двадцать затянулась по нашему времени.

– Как определил?

– Ну, кое-что я все-таки помню: в Тарифе князь другой, Скасгардия с Доманией воюют, а тогда она только с Ардерой замирилась. Ну и прочее по мелочи. Феи-забавницы сказали, что раньше я сильным магом был, и что силы эти просто так исчезнуть не могут. А еще – что они напрямую с моими воспоминаниями связаны.

– А невеста?

Марек поморщился:

– В ней ключ, вельможная пани. Мне обещали, что, как только я нужную женщину увижу, сразу пойму.

– Давно ищешь?

– Больше года. – Пришлый вздохнул. – Половину Тарифа шагами измерил, города, городишки, деревни, трупы бродячих актеров, шествия паломников, все впустую. Если в Лимбурге ничего не ехнет, придется в другое королевство отправляться, в Ардери. Мне подсказку еще крошечную дали: «Найдешь, где потерял», поэтому искать я вдоль той самой реки решил. Это у фей она Забвения – Лимб, – здесь кто как называет.

– Наша Лимбовка? – не удивилась старуха. – Ладно, пан чародей, помогу, в память о сестрице своей полоумной. Поживи пока, осмотришься, а через десять дней большой праздник будет, на нем весь город соберется, все панны и пани, что помоложе, станут хоромы вокруг камней медоточивых водить. Если там у тебя сердце ехнет...

– Сердце? – осканился молодой человек, но быстро задал другой вопрос. – Из камней мед течет?

– Проголодался? – вспомнила Агнешка об обязанностях хозяйки. – Идем, хлопчик, обедать. Чего? Камни? А, нет, болтают они, сладкие речи в уши льют, оттого медоточивые. Мяса не ешь? Ну хоть хлебушка, сыр еще есть, квашеная капуста...

И она увела Марека на кухню, такую же чистенькую и аккуратненькую, как и все в ее доме. Если бы голодный молодой человек задержался в гостиной еще ненадолго, он увидел бы в окно, как по Княжей улице в сторону площади идет панна Моравянка, хозяйка трактира «Золотая сковородка», и у него обязательно бы екнуло.

Солнце пекло так, что мне казалось, будто запах жареного мяса источаю я сама, а не фирменные моравские колбаски, которые работница Гося уже успела бросить на сковородку в ожидании ранних гостей. В последний момент перед моим приходом бросила, завидя меня через окно. Точно. Очень уж старательно она сейчас на них смотрела, а Анджей, здоровый деревенский парень, протирал стойку, не замечая, что делает это не тряпкой, а подолом своей рубахи. А это значило, что очень скоро я останусь без работников.

– Прикати из погреба два бочонка с пивом, – велела я парню строго. – Госька, проснись, замеси теста на клецки, да побольше. Сегодня у нас много гостей будет.

– Случилось чего, панна? – спросила девица, только сейчас оправляя сбившийся передник.

Я закатила глаза: они уже за стойкой тискаются, на днях придут о свадьбе сообщать.

– Марш на кухню! Капусту пошинковала? Ставь тушиться!

Объяснять ничего не хотелось, никому. Но пришлось. Когда я поднялась на третий этаж в жилые комнаты и закрыла дверь, обе тетки бросились ко мне из прохладной полутьмы.

– Адичка, девочка, – восклицала тетка Рузя, заламывая костлявые ручки, – что приключилось?

Вторая тетка, Гражина, возвышалась надо мной на полторы головы, рук не заламывала, но настойчиво бasila:

– В город новенький кто-то пришел? Девицы в обмороке, мужчины точат ножи? Пан бургомистр на него посмотрел? Каков вердикт?

Я прошла через комнату к креслу, села, посопела и начала скандал.

– Кто мне, – я посмотрела на Рузю, – обещал больше в любовь не баловаться и молодых людей друг с другом не сводить?

Тетка прижала к груди ладони и натурально удивилась:

- Анджей с Госькой?

- Это третья пара за последний год, образовавшаяся в нашем трактире. Когда мы все вашими стараниями по миру пойдем, любимые тетечки, сможем свахами подрабатывать. Только недолго. Потому что, если вас не сдерживать, во всем Лимбурге и окрестных деревнях одиноких людей совсем не останется, и не только людей – кошечки, собачки, свинки, мышки, блошки...

Фантазия закончилась, но я была уверена, что в природе еще немеряно двуполых существ, которые могут попасть в сферу деятельности моих неумных родственниц.

- Скажешь тоже, по миру, – попробовала меня успокоить Гражина. – Ну поженятся и эти, так их можно и оставить, пусть семьей...

- Вот ты, Гражинка, дурочка! – Рузя изобразила обморок. – Забыла уже, что такое молодость! Они деток начнут нам строгать.

- Нам? Мне не нужно.

- Тетечка Гражиночка, – сказала я сладко, – а отчего это нам магистрат налог повысил? Может, это оттого, что кое-кто пану Килеру, нашему бургомистру, на ушко шепнул на меня внимание обратить? А?

- Он повысил? – испугалась тетка.

- Нет, ты точно дурочка. – Рузя проплыла к другому креслу, уселась, оправила на коленях кружева. – Она, она повысила! Панна Ясна, килерова секретарша. Ревнует. Вот уж кому до смерти в девках ходить. А я тебе, между прочим, говорила: не начинай даже. Пан Килер, конечно, мужчина видный, но...

- Клянусь, – Гражина подняла руку, – не моя работа. Бургомистр сам к Адичке прибился.

От клятвы плотные оконные занавески пошли волнами: правду, значит, тетушка говорит. Я вспомнила жалобный взгляд пана Килера, его неуверенное бормотание. Этот видный мужчина вел себя со мной как подросток.

– Раз так, – хихикнула Рузя, – пусть влюбленный пан нам старый налог вернет, нет, лучше пусть совсем отменит.

Я закрыла глаза и откинулась на подголовник. Денег почти нет, мясник поднял цену, мельник требует вернуть все накопившиеся за год долги, Гесе с этим болваном Анджеем придется выплатить отпускные и свадебные, еще один налог нас действительно разорит. Что ж оно все одновременно навалилось?

Тетки спорили, Гражина басила, что не позволит Адичке свою красоту на презренный металл менять, и что скажут люди. Рузя возражала, что менять не придется, что в крайнем случае он все равно женится. «Здоровая уже девка вымахала, двадцать три годочка, замуж давно пора». Представив себя замужем за бургомистром, я вздрогнула и жалобно попросила:

– Можно я часик без вас подремлю? Ночью не спала, а вечером в трактире между столами бегать.

Уже сквозь сон я почувствовала, как кто-то из родственниц ослабил мне шнуровку жилетки. Хорошо. Она жесткая, как настоящий корсет, и натерла мне бока по жару. Делать-то что? Крыша протекает, до осени ее нужно перекрыть, иначе через год весь дом отсыреет и зарастет плесенью. Я рассчитывала привлечь к этой работе Анджея... Ладно, все как-нибудь образуется. После праздника уже решать буду.

Проснулась я в сумерках, снизу из трактира доносился гул разговоров и звон посуды.

– Ополоснись, Адичка, – предложила тетка Рузя из соседнего кресла, – и блузку на свежую смени.

Я зевнула и поплелась в ванную. Покойная матушка, когда дела в трактире шли хорошо, то есть давно, оборудовала в доме прекрасную водопроводную систему. Пока я стояла под прохладным душем, тетка меня одобрительно разглядывала:

- Пан наш Спящий и женки его хорошим телом тебя, Адичка, одарили.

- Если вы опять про замужество...

- Проснулась? - возникла рядом Гражина. - Хороша.

- Внизу все в порядке? - спросила я, вытираясь полотенцем. - Гося справляется?

- Поздравления принимает, - наябедничала тетка. - Узел уже справа завязала.

Гражина имела в виду завязку фартука. По старинному тарифскому обычаю она обозначает семейное положение женщины. Если узел слева - девица свободна, справа - обручена или замужем, вдовы завязывают фартук сзади, ну а невинные девицы, вроде меня, по центру, на пупке. Я надела пышную юбку, блузку (кажется, кто-то поработал над вырезом, декольте явно с последнего раза углубилось почти на пол ладони), жилетку-корсет, завязала передник. Костлявые пальчики Рузи расправили мой подол. Надевать чулки не хотелось - жарко. Но пришлось, тарифская юбка заканчивается на высоте пинтовой пивной кружки, поэтому открывает взорам женские щиколотки.

Из трактира донесся взрыв смеха.

- Марек, - сказала Гражина, прислушиваясь, - такой балабол.

- Тот парень, что у старой Агнешки остановился? - уточнила я, укладывая вокруг головы косы.

Волос было много, будь моя воля, я бы их давно отстригла, но обе родственницы, когда я высказала свое желание, закатили мне такую истерику с угрозами...

- Тот самый. - Гражина кивнула Рузе, чтоб тетка заколола мой непослушный локон. - Из-за него в трактир сегодня народу набилось... Франчишка расфуфырилась. Монист вокруг шеи накрутила, сидеть ровно не может, набок заваливается.

Тетка Рузя посмотрела в мое декольте:

- Нам-то мониеты без надобности?

- Особенно по причине их отсутствия, - улыбнулась я.

Последние драгоценности из маменькиной шкатулки я продала еще в прошлом году, когда с гор сошла снежная лавина и половина города осталась без средств к существованию. А город - без бургомистра, его вместе с домом снесло, насмерть. Потом нам из столицы новое начальство прислали, пана Килера с помощницей, панной Ясной.

- Марек... - сказала тетка Гражина и замолчала.

- Чего?

- А ну-ка, Рузька, распусти ей волосы.

Я попыталась увернуться, но от костлявых ручонок тетки еще никто не уходил, блестящий черный водопад упал на плечи и спину до самой талии. Из зеркала на меня посмотрела лохматая румяная девица с большим ярким ртом, густыми изогнутыми бровями и карими глазами. Внешность у меня не тарифская, спасибо пану Спящему и супругам его - феям.

- То есть, - спросила я недовольно, беря волосяную щетку, - мы сейчас ради балабола-Марека стараемся?

- Хлопец в работники хочет наняться, говорит, туда пойдет, где невесты самые пригожие. Думаешь, почему панна мясникова расфуфырилась?

- И чем же этот работник так ценен? Силен? Мастер своего дела?

- Красавчик? - предположила сентиментальная Рузя.

- Женщины, - пробасила Гражина, - не на пригожесть падки. А нам этот Марек нужен, потому что чаровник.

- Маг? Как дорогая тетенька это поняла?

– Да он сам... – Внизу опять захохотали, и до нас донеслась музыка.

«Пан Рышард гармонику принес», – решила я.

– Что сам? – не выдержала Рузя.

– Сказал пану Богуславу, что-де для девиц Лимбургских опасности не представляет, потому как на горах священных с паннами-феями жил, и поэтому в миру ничего уже накуролесить не может. Мясника, похоже, и успокоил, только поспорю, что теперь каждая девушка мечтает с волшебными паннами сравниться, в чреслах Марека огонь зажечь.

Я хихикнула, а тетка Рузя серьезно закивала:

– Всем известно, что феи абы с кем не играют, значит, парень – чародей. Постарайся, Адичка, улыбнись нежно, сразу за сковородку не хватайся, пусть сначала найметя, договор в магистрате подпишет.

Маг... Я отложила щетку. Это любопытно. Если у него еще и руки из нужного места растут, нам этот Марек подходит.

Я вышла из комнат, задержалась наверху лестницы, осматривая трактирную залу. Гося сновала по ней, нагруженная тарелками и гроздьями пивных кружек. Еще один бочонок прикатить надо, нет, лучше два, и послать Анджея в пекарню, пусть возьмет полтора десятка брецелей, соленых кренделей, поднос с нашими уже опустел.

Бум! Бум! Бум! Это гости стучали по столам в такт залихватской мелодии.

На гармонике играл не пан Рышард, а чернявый улыбчивый парень. Не красавец, совсем нет, но женщины поглядывали на него с вожделением – и панны, занявшие отдельный девичий столик, и почтенные горожанки, пришедшие в трактир со своими супругами. Песня была, разумеется, фривольной: о том, как некий рыцарь по вечерам развлекался с молоденькой служанкой, и к чему это привело. Понятно, к чему – забеременела девица. Голос у Марека был приятный, когда все начали орать припев: «Тебе я кнехта дам в мужья и талеров пять сотен!», он оторвал одну руку от гармоники и опрокинул в себя пинту пива,

кадык дернулся на жилистой шее. Раньше в наших краях именно так работников выбирали: кто мог одним глотком кружку опустошить, тот и подходит. Меня же интересовало совсем другое.

- Адичка, - шепнула у плеча тетка Гражина, - ты что-то видишь?

Я ждала: в зале было несколько голодных приبلуд. Одна из них оседлала Франчишку мясникову, прижалась к ней: похоже, сосала девичье жаркое томление, другая сидела на шее Петрика, парень трясся от ревности. Злыдни мелкие и почти не опасные, но их здесь, если этот болтун-Марек действительно чародей, быть не должно.

- Тетечка ошиблась, - наконец вздохнула я.

Но тут Франчишка подошла к музыканту, изогнулась, чтобы грудь ее оказалась перед длинным носом Марека, стала промокать его лоб платочком, и Петрик не выдержал, бросился в драку.

- Ах, нет, ошиблась как раз я. Он нам подходит, - сказала я Гражине.

Приблуда Франчишки улепетнула за два шага до музыканта, вторая не успела. Подручный мельника стремительно боднул головой соперника, злыдня развеялась, коснувшись мага. Гармоника жалобно всхлипнула, Петрик работал кулаками, Франчишка визжала. Кто-то предлагал раздвинуть столы, чтоб освободить место. Шутка ли, настоящая драка.

- Почтенные горожане! - сказала я очень громко, тетка прибавила гулкое эхо и поток ледяного воздуха, она это умеет. - Попрошу все ваши разногласия решать вне моего заведения.

В звенящей холодной тишине я спустилась по лестнице.

- Панна Моравянка...

Я подошла к драчунам, Марек смотрел на меня так, будто на моей голове росли рога: почти с ужасом, держался за живот. Наверное, успел туда получить.

– Адель! – пискнула Франчишка. – Выгони Петрика, запрети ему к тебе в трактир приходить!

Я посмотрела себе под ноги, передвинула носком туфельки осколок пивной кружки:

– Два талера за битую посуду.

Петрик отдал деньги Гесе, он почти остыл, как обычно и бывает с жертвами злыдней. Пока она на шее у тебя сидит, твоя злоба бурлит, учетверяется, а потом просто наваливается слабость. Он бы и с дракой дело замял с удовольствием, да гонор не позволял. Многие гости уже выходили на улицу, чтоб занять лучшие зрительские места. Франчишка со своим платочком хлопотала вокруг чернявого, он разогнулся, но выглядел, как будто его довольно долго колотили по голове сковородкой, и он еще не понял, что перестали. Его черные как ночь глаза смотрели на меня, почти не мигая.

– Это дуэль, – сообщила я с улыбкой, – и вам, вельможный пришлый пан, придется в ней участвовать.

Он моргнул, улыбнулся:

– Дуэль? За честь прекрасной дамы?

Франчишка примерила на себя это звание и осталась довольна:

– Ты сразу в живот бей, у Петрика там слабое место.

Марек отмахнулся:

– Прекрасная Адель...

– Панна Моравянка, – поморщилась я, – не нужно панибратства, пан пришлый.

– Прекрасной панне работник не нужен?

Анджей, поправляющий мебель в пустеющей на глазах зале, прислушивался к разговору, я на него посмотрела и вздохнула:

– Скоро понадобится. Только работник, а не щеночек избитый. Поэтому пусть пан сначала непокалеченным останется, а после, когда заживет, мы и поговорим.

– А если пан пришлый в дуэли победит?

Победит? Петрик его в полтора раза выше и вдвое шире в плечах, он на мельнице такие тяжеленные мешки таскает, что ему ничего не стоит этого чернявого надвое переломить.

– Если это произойдет, – сказала я торжественно, – место ваше. Двадцать талеров...

Марек не дослушал, как будто деньги его не интересовали, развернулся на каблуках и пошел к двери.

– Какая же ты, Аделька, зараза!

Франчишка шипела, тесня меня за стойку, ее шею опять оседлала злыдня, она болтала ножками, бормотала девице на ухо:

– Разлучница! Она и Петрика пыталась увести, и хороводной королевой в том году стала, и в позапрошлом тоже. В патлы ей вцеплюсь! Рожу расцарапаю!

Франчишка думала, что это ее мысли, но я-то слышала. Пальцы привычно сомкнулись на ручке моей фамильной сковородки. Моравские колбаски, славные на весь Лимбург и далеко за его пределами, вполне обычные, ни в фарше, ни в оболочке секретов нет, исключительный и неповторимый вкус им придает приготовление на этой самой сковороде. Те колбаски, что на ней сейчас жарились, я сбросила в блюдо и, когда соперница потянулась к моим волосам, махнула сковородой над ее макушкой. Злыдня развеялась, Франчишка испуганно взвизгнула, решив, что я собиралась ее огреть.

– Мы на дуэль смотреть будем? – спросила я спокойно, возвращая посуду на огонь. – А то вдруг она быстро закончится и наших мужиков другие панны

разберут?

Тетка Гражина басовито хохотнула:

- Нашего не разберут, он уже совсем наш.

Панна мясникова этого не слышала, она уже расталкивала людей за порогом. Мне толкаться не пришлось, гости вежливо расступились. С крыльца я увидела, что Петрик, голый по пояс, встряхивает кулачищами, приятели трогают уважительно его бицепсы и улюлюкают. Марек тоже разделся. Худой, жилистый, крепкие плечи, вопреки ожиданиям не хлюпик, на смуглом животе выделяются квадратики мускулов.

- Откормить бы не помешало, - протянула тетка жалобно. - Адичка, неужели ты позволишь этому громиле-мукомолу нашего мужика калечить?

Я фыркнула. А что я могу? Никогда такого не было, чтоб женщины в мужские разбирательства совались. И сегодня не будет.

Марек встретился со мной взглядом, улыбнулся. Хорошие зубы, жалко, что Петрик их ему проредит. Нос, наверное, тоже своротит.

- Между ног не бить! - провозгласил пан Рышард, его чудом уцелевшая гармоника болталась на плече и повизгивала мехами. - До первой крови!

- Ну уж нет, - взревел Петрик. - До победы! И чтоб проигравший извинился и поклялся на панну Богуславу мясникову не зариться.

- Хочешь, я тебе это прямо сейчас пообещаю?

- Струсил?

Марек затягивал в хвост волосы, его руки были подняты, корпус открыт. Петрик бросился к нему, занес кулак и упал от быстрой подножки.

- Дерешься как баба!

– Да что ты, милый, – рассмеялся чернявый, – я еще и не начинал. Вставай, продолжим.

Он уже справился с волосами, но стойку принимать не торопился. На поясе болтались пустые ножны. Тарифские мужчины ножи в карманах носят, в специальных карманах. И штаны у пришлого не наши: узкие, длинные, заправленные в кожаные сапоги.

Скоро стало понятно, что Марек – опытный боец. Он уходил от ударов, быстро менял положение, его кулаки не сокрушали, жалили соперника. Помощник мельника запыхался, стал много пропускать. От прямого в челюсть пошатнулся, с трудом устоял на ногах. У него по подбородку текла кровь, глаз заплыл.

– Адичка, – отвлекла меня от зрелища тетка Гражина, – сходи к старой Агнешке, пора.

Сковородку я брать не стала, потихоньку пересекла площадь, здороваясь со встречными знакомыми. На улице Княжей народа уже не было, я ускорила шаг. Дверь агнешникиного домика скрипнула, хозяйка ждала меня в спальне. Празднично одетая старушка лежала на узкой кровати, сложив на груди руки. Она не дышала. Я присела рядом:

– Вельможна пани подготовилась?

– Чтоб не говорили, что Агнешка покойная грязнулей была, – прошелестело из угла.

– Никто не скажет...

– А что скажут?

– Скажут, мастерицей была, каких мало, хозяйкой хорошей, чистюлей...

С каждым моим словом призрак хозяйки выступал из теней. Юбка в пол по старой моде, крахмальная блузка топорщится кружевами, жилетка расшита речным жемчугом и стеклярусом, волосы аккуратно, волосок к волоску, причесаны и скреплены жемчужным гребнем.

– Ступайте, бабушка, – сказала я, – в чертоги пана нашего Спящего, обещаю на девятый и на сороковой день о вас вспомнить, и через год.

Агнешка улыбнулась:

– А вижу-то как хорошо теперь! Красавицей ты, Адель, у матушки выросла. Передать чего пани Мораве, как встречусь?

– Скажите, справляюсь пока.

Старушка помялась:

– Уйду. Племянник похоронит, у нас договорено все, наследство, дом ему достанется. Еще одно, Моравянка, хлопец мой, постоялец-чародей... Приюти, пока он невесту свою найдет.

– Обещаю.

Это слово стало финальным, больше Агнешку в этом мире ничего не держало. Она ушла, растворилась в воздухе туманом. Я вытерла слезы. Жизнь всегда заканчивается смертью, ничего в этом удивительного нет.

Дом племянника был через улицу, я постучала в окно.

– Панна трактирщица? – удивилась открывшая его женщина.

– Мы с пани Агнешкой, – сказала я, – уговаривались, что сегодня заказ приду забирать, льняные салфетки с вышивкой, а она не открывает.

Женщина ахнула, захлопнула окошко. Ждать я не стала, дальше разберутся без меня, побрела к трактиру. Было очень грустно.

– Адель! Драгоценная панна Моравянка.

Вздрогнув от звуков густого баритона, я изобразила приветливость:

– Добрый вечер, пан Килер.

Бургомистр без своей секретарши выглядел каким-то нецелым, я даже посмотрела по сторонам, не догоняет ли его панна Ясна.

– Я же просил называть меня просто по имени. Ну же... Скажите: «Карл, какая приятная встреча». – Пан Килер взял меня под руку. – Прекрасный вечер для прогулки.

– Пан бургомистр...

Я собиралась освободиться и тут заметила приبلуду, не простую злыдню, а целое помертвие. Какая жалость, что я не захватила сковороды. Злыдни питаются низменными человеческими чувствами – злостью, завистью, вожделением; помертвия являются в дом, где прощаются с покойным, приносят родне болезни и неудачи.

Бургомистр ждал продолжения фразы, прижимая к своему боку мой локоть. Приблуды он не видел, хотя она как раз с нами поравнялась. Ладно, если сковородки у меня нет...

Пан бургомистр упал.

– Какая досадная случайность! – воскликнула я, как будто не поставила ему только что подножку. – Карл, вы не пострадали?

На уличной брусчатке осталось грязное пятно. Пан бургомистр упал именно туда, куда следовало, чтоб приклепнуть помертвие задом. Мой почтенный поклонник тоже был магом, как и Марек, которого я обещала приютить, пока он не найдет невесту.

Кстати, как он там? То есть Петрику он, скорее всего, навалял...

– Простите... – Бургомистр поднялся, расцеловал мою руку, которую я ему протягивала для помощи, а не для поцелуев. – Адель...

Хорошо, что бледное лицо пана Килера было опущено, и он моего не видел. Захотелось вытереть ладонь о юбку. Прикосновения нашего начальства всегда вызывали во мне непонятную гадливость, до дрожи, до тошноты. Нет, во внешности Карла не было ничего отвратительного. Приятный мужчина чуть за тридцать. Довольно высокий и худощавый, всегда чисто выбритый. Рыжие кудрявые волосы, серые глаза, нос с аристократической горбинкой. Некоторые городские панночки на холостого бургомистра заглядывались. Особенно после того, как выяснилось, что он потомок того самого княжича Киля, что основал в незапамятные времена наш городок. Богатый, нестарый, солидный. Чего еще надо? Только помощница бургомистра панна Ясна быстро те заглядывания пресекла. «Невозможно, чтоб господин вниманием своим чернь одаривал. А вы все здесь чернь, хотя паннами прозываетесь. Чернь и ничтожества!» Жаль, что запрет касался только женского населения, а самого пана бургомистра никак не ограничивал.

«Ну чего ему от меня надо? А? Не отлипнет никак, поцелуй мокрый, как будто собака ладонь лижет». Меня передернуло, и я забрала руку, не забыв нацепить на лицо извиняющуюся улыбку:

– Прощения просим, вельможный пан, мне в трактир возвращаться надо.

– Я как раз в него направлялся. – Бургомистр кивнул в ответ на приветствие прохожего. – Рассчитывал поужинать вашими великолепными колбасками и повидаться с прекрасной панной.

Пришлось идти рядом и поддерживать беседу. Пан Килер спросил, зачем я на Княжей улице. Я ответила заготовкой, что заказ собиралась у старой Агнешки забрать. Про то, что швея уже отправилась в смертные чертоги, говорить не стала. Завтра родственники в управу сообщат. Бургомистр поинтересовался, как развивается мое дело, хороша ли прибыль, не обижают ли поставщики. Выслушав жалобы (я бы жаловалась, даже если бы все на самом деле было прекрасно, приbedняться у нас, трактирщиков, положено), вздохнул:

– Вы – одинокая незамужняя девушка, панна Моравянка. Разумеется, вам трудно заниматься таким предприятием, как «Золотая сковородка». Когда ваша матушка покинула этот мир?

– Полтора года назад.

– Время траура истекло. Адель, вам нужно серьезно подумать о замужестве.

В этот момент мне почему-то вспомнилась застольная песенка о рыцаре со служанкой. Сейчас пан Килер предложит мне пять сотен талеров и личного кнехта. У него же в доме на холме их много: прислужников, охранников, псарей и конюхов. Повар? Чтоб было кому за кухней присмотреть, пока я в спальне буду господскую милость отрабатывать? Только вот Лимбург – город вольный, князьки-рыцари остались в далеком прошлом.

– ...в библиотеке пращура об этом красивом древнем обычае.

– Простите? – вынырнув из раздумий, я поняла, что, оказывается, пропустила мимо ушей часть разговора.

– Панна Ясна, – повторил бургомистр, – разбирая мои фамильные фолианты, обнаружила рукопись времен закладки нашего города. Праздник Медоточия проводился уже тогда, юные тарифские девы танцевали у волшебных камней, выбирали Медовую королеву.

– Теперь ее называют хороводной.

– Мы возродим древние традиции, но немного их осовременим. Медовая королева на празднике выйдет замуж. Изначально этот обряд, направленный на защиту плодородных наших земель, носил более жестокий характер.

Я покраснела. Хороводной королевой я становилась уже пять раз и собиралась в шестой. После праздника я оставалась подле медоточивых камней и до рассвета слушала не привычную всем паннам Лимбурга лесть, а занимательные истории из прошлого. Камни любили вспоминать.

– Думаю, – сказала я осторожно, – что городской совет будет возражать против изменения обряда.

– Он согласен. – Пан Килер открыл дверь трактира и пропустил меня вперед. – Почтенные старейшины рады возможности привлечь в Лимбург новых гостей. К нам на праздник придут люди со всего Тарифа, аристократы из столицы, богатые купцы, бродячие актеры. Буквально сегодня я получил письмо...

– Анджей выбил дно из шестого бочонка, – пробасила у плеча тетка Гражина, – в пекарне сбились с ног, мы распродали недельные запасы брецелей, теперь просто солим сухари и подаем их к пиву.

Бургомистр отвечал на многочисленные приветствия, я вела его к личному столику в уголке, Гося вытирала столешню тряпкой. Сухари? Интересно, кто придумал?

Марек, уже надевший рубаху, стоял за стойкой и солил разложенные на подносах ломти. На макушке его красовалась фетровая шляпа с пучком павлиньих перьев, раньше принадлежавшая ревнивому Петрику. Рукава его рубахи были засучены до локтей, смуглая кожа рук контрастировала с белым тонким шелком.

– Бойкий хлопец, – похвалила Гражина, – сразу к работе. На Гоську прикрикнул, Анджею оплеуху. Успел с Богуславом поторговаться, мясник нам вдвое цену на колбаски снизил.

Я как раз отодвигала стул для бургомистра, этот ежевечерний обряд у нас был до мелочей отработан, и только могла удивленно приподнять брови.

– Вдвое от старой, – уточнила тетка. – Марек ему пригрозил, что трактир в Застолбеньках будет закупаться, что тамошний мясник Яцек Полурукий...

Дослушать не удалось, пан Килер сделал заказ, и, хотя я была уверена, что он от прошлого, позапрошлого и еще десятка «поза» не отличается, нужно было исполнить долг хозяйки. Ну да, как обычно. Дюжина колбасок без гарнира и сидр. Пива наш градоначальник не пил. Я отправилась за стойку. Марек немного отодвинулся, чтоб пропустить, подозвал Госю:

– Сухари и восемь кружек вон тем панам у стены, милая.

Длинные смуглые пальцы легонько ущипнули девичью щечку. Даже если бы руки Госьки не были заняты, она бы все равно не отбивалась. Ласка ей понравилась, обе щеки налились румянцем. Бедный Анджей, кажется, ему предстояло ревновать.

Я присела, выдвинула из-под стойки ящик-ледник, где у нас хранилась бургомистрова дюжина колбасок и еще восемь сверх, иногда пан Килер просил добавки, стала уже подниматься, но в этот момент Марек тоже присел, и мы столкнулись лбами.

- Ходят слухи, - прошептал он заговорщически, - что панна Моравянка с бургомистром гуляет.

- Тебе что за печаль? - терла я место ушиба.

- Ревнует, - решила тетка. - Воспылали чресла-то, не зря Рузечка тебе ворот на блузке расширяла.

Черные глаза Марека как раз уставились в мое декольте, я прикрылась ладонью, вспомнила, что именно эту руку мне целовал Карл, отдернула, случайно зарядив тыльной стороной по длинному смуглому носу.

- Значит, правда. И рука у панны Моравянки тяжелая, и дерется она сразу.

- Подними, - кивнула я на ледник. - Еще раз позволишь себе на мою грудь пялиться... Ай!

Черные словно оникс глаза внимательно смотрели, как в моем декольте плавится крошечный ледяной осколок, я даже не успела заметить, когда мне его туда бросили.

- Один-один, горячая панна Аделька.

Марек сложил трубочкой губы, подул, теплый воздух коснулся моей кожи. Прикосновений я не терпела, любых. Но это даже прикосновением не было, и почему-то захотелось придвинуться ближе, чтобы мужские губы коснулись моей груди.

Я резко встала, отвернулась к рукомойнику. Мыло пенилось, смывая невидимые следы бургомистровых лобзаний.

– А сердечко-то зашлось, – протянула Гражина, – никогда еще такого с тобой, Адичка, не было. Ни с паном Домбровским, который тебя у овчарни зажать пытался, ни с Гжегожем, ни с...

Имен было много, я всех и не помнила даже. Но тетки старательно вели подсчет. У них список подробный был составлен: дата, место и описание увечий, которыми их драгоценная Адичка незадачливых ухажеров награждала. Адичка это могла. Ее в отрочестве еще господин Эрик, скасгардский кулачный боец, которого после смерти в наши края занесло, обучил. Маменька попросила, в обмен на тот самый артефакт, без которого Эрик упокоиться не мог.

Я вздрогнула: Марек тоже подставил под струю из рукомойника ладони. Отшатнулась и стала вытираться полотенцем.

– Пан бургомистр оголодал. Не уверен, что именно за колбасой... – Парень кивнул на плиту, где уже брызгала жиром положенная дюжина. – По слухам, наш огнегривый господин только сидр пьет?

– Надо из погреба принести. Где Анджей?

– На бочках, наверное, дремлет, – наябедничала тетка. – Госю пошли.

Я подумала, что тогда мы никого из наших голубков не дождемся.

– Сама схожу. Марек, почему нож здесь?

Он пожал плечами:

– Может, потому что я им хлеб на сухари кромсал?

– Ему здесь не место! Нож должен быть на кухне, это закон. Отнеси и впредь...

Уголком глаза я заметила, что пан бургомистр встал со своего места и направляется к нам, поэтому фразы не закончила, юркнула за дверную занавеску, которая отделяла залу от рабочих помещений. Гостям туда хода не было, это тоже закон, не исключительно наш, как с ножами, а трактирный. Лесенка в погреб располагалась в дальнем конце большой кухни. Туда я и

отправилась, не прислушиваясь, как за занавеской Марек обещает бургомистру, что через мгновение вельможный пан сможет насладиться фирменными моравскими колбасками. Толковый парень мой новый работник, как будто всю жизнь в трактирах провел. И маг. Двойная удача. Ни одной приبلуды я у нас после возвращения не заметила. Неужели наконец выплыву?

Анджей сидел на перевернутом пустом бочонке, привалившись плечом к другому, побольше, потягивал пиво и наслаждался бездельем. Lentяй!

– Панна хозяйка, – парень нетрезво хихикнул и протянул вперед кружку, – отхлебнете? Все мысли мои узнаете.

Сидр для бургомистра стоял в пузатых глиняных кувшинах на полке у стены. Его я делала сама, невелика премудрость. Подавить яблоки прямо с кожурой и семечками, смешать получившееся пюре с сахаром, разложить по сосудам, накрыть проглаженной тонкой тканью в несколько слоев и оставить бродить в темном месте на четыре дня. Потом отжать, процедить, налить в кувшины, на две трети примерно, и запечатать их горловины воском с крошечными дырочками. Вот и все. Через два месяца сидр готов.

Я потянулась к ближайшему кувшину. Анджея гнать нужно, если бы не его жениховство с Госькой, я сделала бы это уже сегодня. Но девку жалко. Она с этим лентяем и так в будущем хлебнет горя.

– Не хотите?

– Чего еще? – спросила я не оборачиваясь. – К себе ступай, проспись. Завтра придете с невестой ко мне за расчетом...

Мою талию крепко обхватили мужские руки, кувшин упал, раскололся, сидр пенным фонтаном доплюнул до низкого потолка.

– Какая еще невеста, панна Аделька? – Анджей навалился, прижал меня к бочкам. – Только о вас думаю, только вас...

Он намотал на кулак прядь моих волос, дернул, запрокидывая голову, и завизжал как свинья на бойне. Я скользнула в сторону и пнула корчащееся от

боли тело. Руки придется снова мыть, особенно левую, которой я совсем недавно изо всех сил сжимала мужские причиндалы.

«Это самое слабое место, – говорил мне господин Эрик, заставляя тренироваться с овощами и фруктами. – Представь, что тебе нужно весь сок выдавить». Сока в тот год в нашем трактире было много: ревеневое, яблочное, морковное и даже из репы, который для хозяйственных нужд не пригодился. «За правую руку тебе сразу попытаются схватить, отдай, но пусть левая может больше». Я могла колоть орехи с двух рук, любые, нашу лещину, заграничные доманские и даже раздавила однажды некрупный малихабарский волосатый орех с пряной белой сердцевинкой. Анджею повезло, что он не успел тарифские мужские штаны из толстой кожи расстегнуть, иначе... Я поморщилась, представив, что бы тогда получилось.

– Убирайся! Совсем уходи, чтоб я тебя больше здесь не видела. Гесе скажи, на нее не сержусь, завтра за работу заплачу.

И прижав к животу полный кувшин с сидром, стараясь при этом не поскользнуться на мокрых осколках, я стала подниматься по лестнице. Марек опустил в крепление над разделочным столом нож.

– Там Анджей, – сказала я. – Не мог бы ты его через черный ход на улицу вышвырнуть?

– По частям? – Марек приблизился, забрал кувшин, поставил его на край сундука. – А правду говорят, что яблоки на сидр панна Моравянка своими красивыми ручками давит, а не в ступке? Думаю, правду.

Он улыбнулся, провел рукой по моим волосам, поправляя растрепанные пряди. Я почему-то не отстранилась, прислушалась к ощущениям. Не противно, даже наоборот.

– Чресла горят, – уверенно сообщила тетка. – Не у тебя, у него. Хотя... Замуж тебе, Адичка, пора. За чаровника, конечно. Другой нам не подходит. Выбирай, этот чернявый или рыжий. Так хорошо, когда у девицы выбор имеется.

Одновременно я слышала слова Марека:

– Загадочная панна Аделька, сильная как фахан из бездны, прекрасная как фея... Твои волосы отливают алым на свету, а глаза точно ягоды зрелой птичьей вишни. Ты не знаешь, здесь она не растет... – Твердые смуглые пальцы отодвинули прядь, обвели ухо, прикоснулись к скуле. – Среди твоих предков явно побывала фея... И сковородка! Спящий! Твоя золотая сковородка! Это же артефакт! Такой нелепый, невысказанный и...

– Сейчас будет целоваться, – предупредила Гражина.

Я отшатнулась:

– Давай сразу договоримся, пан пришлый, если ты хочешь со мной работать...

Марек посмотрел на свою ладонь, как будто с недоумением:

– Не уверен, чего именно я с тобой хочу. Всего и немного сверх?

– Между прочим, – пробасила Гражина, – там пан Килер с Госькой спорит, хочет ворваться.

Предупреждение запоздало, бургомистр уже отдернул занавеску:

– Адель! Прекрасная панна здорова?

– Разумеется, Карл, – улыбнулась я и подхватила кувшин. – Мы с вами сегодня оба неловки. Представьте, первую порцию сидра я расколотила.

– В погребе? Я приберу, – пискнула Гося, протискиваясь в кухню.

– Не нужно, милая. – Марек ущипнул девушку. – Я этим займусь. Помоги панне хозяйке обслужить нашего самого дорогого клиента.

И Госька его с первого раза послушалась, покраснела, присела в книксене, как будто не я, а этот пришлый маг здесь хозяин.

Глава 2

Старые знакомые

Пан бургомистр вернулся домой за полночь. Панна Ясна сразу поняла, что хозяин не в духе, поэтому с вопросами не приставала, подождала в кабинете, пока лакеи помогут переодеться господину в домашний шлафрок, а когда Карл вошел, налила в хрустальный бокал вина. Вина, а не простолюдинского пива, которое в этой дикой стране хлещут все, от князей до площадных попрошаек. Господин уселся в кресло у камина, принял бокал, задумчиво отхлебнул и поморщился. Не от вкуса – Ясна, происходившая из семьи ардерских виноделов, в этом была уверена. «Королева Марго», разлитое по бутылкам в год бракосочетания королевской четы и названное в честь ее величества, четверть века выдержки. Они помолчали. Секретарша почтительно стояла в двух шагах от кресла, привычно пересчитывая завитушки коврового орнамента под ногами. Господин обязательно поделится с ней своими тревогами, нужно только подождать.

– Сегодня, – начал Карл, – не происходило ничего странного?

Ясна подумала. В Лимбурге или в самом доме? Хозяин ждал ответа. Девушка начала перечислять:

– Дровосеки на склоне Юнгефрау видели оленя с золотыми рогами, пастух Ежи донес в магистрат на соседку, что она сглазила его овец, а пан Гжегош просит у господина бургомистра суда над Моравянкой, которая в начале года этого пана поколотила, отчего он теперь ни спать, ни есть не может, панна Аделька челюсть ему свернула.

– И это мешает мерзавцу спать?

– Нет, это – только есть. Спать ему мешают непристойные сны, которые, пан Гжегош уверен, навевает на него преступница. Он требует справедливого наказания, чтоб панна Моравянка вышла за него замуж, кормила его жидкой пищей и...

Карл желчно рассмеялся:

– И воплощала в реальность непристойные фантазии. Что еще?

– В город со стороны Застолбенек пришел новый человек, по виду, говорят, не тарифец, еще говорят, что маг. – Ясна подняла глаза к потолку, припоминая. – И в нашей кладовой взорвались все до одной бутылки с сидром, который господин велел приготовить повару. Кажется, все. Да, повар Спящим клянется, что не виноват, что все по рецепту сделал.

Секретарша подлила вина в опустевший бокал:

– Олень с золотыми рогами кажется мне перспективным. Если немедленно отправить на склон егерей, завтра мы сможем...

– Никуда он от нас не денется, – отмахнулся Карл. – Сейчас меня больше интересует маг.

Он опустошил бокал и поднялся из кресла.

– Идем-ка в башню.

– Господин его видел? – спросила девушка, когда они шли по коридору к винтовой лестнице. – Где? Неужели...

Она ахнула от догадки и споткнулась, Килер подхватил секретаршу под локоть, удерживая от падения:

– Ты правильно поняла, этот... этот... отирается около моей дражайшей Адели.

Тут Ясна поняла и причину того, что хозяин не в духе.

– Какой-то бродяжка-чародей, – фыркнула она утешительно. – Разве может он стать соперником вашему высочеству?

– Бродяжка?! – Карл поднимался по лестнице первым. – Если бы...

Он толкнул дверь:

– Но будем надеяться, что я ошибся, что этой глумливой рожей одарили кого-нибудь другого.

Секретарша вошла следом, заперла дверь на замок, набросила засов, еще один. Это помещение, куда не допускались слуги и посторонние, было магической лабораторией. Здесь Карл варил волшебные зелья, составлял новые заклинания и общался с начальством из вышних сфер. Карл Килер, как его сейчас называли, не был даже человеком. Один из принцев нижнего мира, то есть демон или, если угодно, фахан, в свое время совершивший в мире людей серьезные преступления и наказанный многолетним заключением в мире нижнем. Теперь же заключение сменили на более щадящий режим: ссылку в мир людей с обязанностью отработки своих проступков добрыми делами. Ясна с рождения знала, что, если возвращение господина в этот мир произойдет при ее жизни, она отправится служить. Это знание передавалось в их семье по женской линии из поколения в поколение, как и неразрывная ментальная связь с господином.

Карл подошел к книжным полкам, сдвинул в сторону фолианты.

– Где же он? Вот!

Он схватил истрепанный томик, присел на гранитную алтарную плиту в центре комнаты, зашуршал страницами. Ясна заглянула через плечо господина. Не книга, толстая тетрадь, бумага пожелтела от времени, чернила выцвели, строчки рукописного текста перемежаются рисунками. Портрет молоденькой девушки с густыми бровями, еще один, та же девица, но в мужском костюме, какие-то животные, карлики, оружие...

Карл наконец нашел нужную страницу, на ней очень тщательно был изображен обычный попугай, из тех, что развлекают богатых аристократов во всех пяти королевствах и Тарифском княжестве. Господин распрямылся и положил раскрытую тетрадь на алтарь.

– Сейчас посмотрим.

Секретарша отступила, чтобы не мешать колдовству. Карл воздел руки, напевно произнес заклинание, на граните вспыхнул сложный круговой орнамент, и сноп яркого света ударил в потолок.

– Вопрошай, – торжественно предложил бесплотный голос.

– Кто это? Покажи.

В луче света возникла фигура, сначала туманная, нечеткая, она быстро приобрела яркие краски и объем. На ступеньках мраморной лестницы, уходящей в никуда, сидел темноволосый мужчина, в его руках была мандолина.

– Мармадюк, ученик Этельбора, – сообщил бесплотный голос, – незадолго до возвращения сил.

– Как он выглядит сейчас?

Изображение мигнуло, пошло рябью. Брюнет менял позы и одежды. Вот он в расшитой звездами мантии на вершине какой-то башни, вот в камзоле и драгоценностях сидит за карточным столом, вот верхом на лошади, доспехи сверкают, волосы треплет ветер, совсем без одежды, в ванне, к плечу пристал розовый лепесток, на другом дамская ручка, сама женщина скрыта туманом. Наконец перед зрителями предстал обычный бродяжка в потрепанном плаще с посохом. Он широко улыбался, щурил от солнца черные как сливы глаза.

– Я не ошибся, – пробормотал Карл, – какая жалость. Однако почему он меня не узнал? Или сделал вид?

Бесплотный голос решил, что вопросы направлены к нему.

– Лорд Мармадюк проходит испытание, положенное ему вышними сферами. Он лишен памяти и почти всех сил.

– Испытание? Кем? За что?

– Подробности не сообщается.

Сфера мигнула и погасла. Карл раздраженно схватил тетрадь и зашвырнул ее в пылающий зев камина:

– Мерзопакостный потаскун! Каналья! Бестия!

Ясна терпеливо переждала вспышку господского гнева и, когда мужчина без сил опустился в кресло, спросила:

– Этот Мармадюк так опасен? Насколько я поняла, его лишили сил и памяти. Возможно, он всего-навсего случайно забрел в Лимбург.

– И выжмет из этой случайности все до последней капли! Ты не представляешь, что это за существо. Прожженный интриган, хитрый, беспринципный, изворотливый. Для собственного развлечения он разрушит все, что я с таким трудом построил. Ты говорила что-то об олене с золотыми рогами? Предлагала его уничтожить, чтоб добавить еще одно доброе дело в нашу копилку? Мармадюк притащит тварь в город и заставит танцевать на площади.

– Оборотня-людоеда? – девушка удивилась. – Для развлечения?

– Адель! Моя драгоценная Адель превратится... – Карл запнулся, некоторое время помолчал, тяжело вздыхая и барабаня по подлокотнику костяшками пальцев. – Мармадюк ничего не помнит, но молодая панна его невероятно привлекает. Скорее всего, он пока не разобрался почему. Может, даже решил, что влюблен.

Ясна хихикнула.

– Тогда его лицо очень скоро близко познакомится с кулаками Моравянки. Но, – девушка посерьезнела, – если он поймет и отведаст сладкой волшебной плоти?

– Мы проведем операцию упреждения.

Карл улыбнулся (его зубы были сейчас совсем нечеловечески тонкими и острыми, а глаза полыхали алым), пружинно поднялся, отбросил на пол шлафрок. За спиной фахана раскрылись черные кожистые крылья. Он пропел слова заклинания, закончив громким:

– Взываю к вышним сферам Авалона! Для защиты невинных мне необходим мощный артефакт подчинения!

На этот раз светового луча не появилось. Бесплотный голос, кажется, с зевком, сообщил:

– Запрос одобрен канцелярией.

На алтарь, звякнув, упал широкий золотой браслет.

– То что нужно. – Фахан схватил украшение. – Ясна, нам потребуется шкатулка. Ты, кажется, показывала мне сандаловую...

– Как он действует? – Девушка пропустила хозяина вперед, закрыла дверь лаборатории и поспешила следом.

– Именно так, как требуется. Мармадюк наденет безделушку, и она будет причинять невыносимую боль всякий раз, когда он не исполнит нашего приказа.

– Ваше высочество, – возразила Ясна, – но вряд ли этот маг примет такой подарок от господина бургомистра и поспешит его надеть.

– Он примет его от панны Моравянки. Я расскажу Адели о нависшей над ней опасности, и она непременно...

Голоса и шаги затихали, удаляясь, только ровный гул никогда не гаснущего камина разбавлял наступившую в лаборатории тишину, потом раздался голос:

– Инструкция.

И на алтарь из воздуха выпал лист бумаги. К сожалению, сейчас прочесть его было некому. К сожалению для опального принца и его верной помощницы.

Там было написано: «Амулет подчинения, уровень – верховный, имя – Болтун. Подчиняет носителя силой любви. Активируется поцелуем. Лишен голоса, отправлен в мир для прохождения испытания».

Лист некоторое время лежал на алтаре без движения, а потом его снесло на пол порывом сквозняка. Окна в лаборатории никогда не закрывались.

Тетка Рузя закончила заплетать мне косу на ночь и стала расстилать постель.

- Госечка спит? - спросила она жалобно.

- Ага, - прислушалась Гражина. - Отрыдала, как положено, и заснула. Кто ж знал, что Анджей таким мерзавцем окажется?

- А он мне сразу не понравился, пьяница и лентяй.

- Ну да, - я широко зевнула, прикрыв ладонью рот. - Только вам это не помешало молодых людей сводить. Очень прошу, умоляю даже, с Марекос Госю теперь не вздумайте паровать. Этот еще хуже может оказаться.

Я легла на кровать, накрылась тонкой льняной простыней, вдохнула привычные запахи сушеной лаванды и чабреца, которыми были набиты матрасы и подушки. Неужели выплюсь? Ночник в спальне погас. Тетки ждали, пока я усну, беседовали шепотом.

- Госька за Анджеем не пойдет, здесь останется. Такими словами его на заднем дворе чихвостила... Марек? Он неподалеку стоял, чтоб отставной жених чего не учудил. Адичка? Да как обычно... Ой, Рузька, чего расскажу, не поверишь. Наша-то хороводная королева в погреб пошла, а чернявенький, как кувшин разбился, следом. Глазищи горят. Ну, думаю, сейчас рассмотрит, как панна Моравянка честь свою блюдет, в обморок брякнется. А он...

Я повернулась на бок и прикрыла ухо подушкой, чтоб не слушать. Чернявый Марек. Если бы не он, наша служанка еще бы подумала, прежде чем отставку любезному Анджею давать. Бабник. Не Анджей, а... Хотя... оба они бабники, чего уж.

- Адичка, - сказала Гражина с испугом, - пришел кто-то.

- Марек, наверное. Он хотел со старой Агнешкой попрощаться. Я ему и ключ дала.

- С черного хода.

Пришлось стряхивать дремоту:

- Ладно, поглядим.

Я надела поверх ночной сорочки халат и пошлепала задниками тапок вниз по лестнице. В зале было темно, но мне это не мешало, в своем доме я каждую деревяшку на ощупь знала. Гражина была чуть позади, а Рузя осталась в комнатах на третьем этаже, она их никогда не покидала.

Пока я зажигала лампу, тетка Гражина успела осмотреть обстановку.

- Адичка, - сказала она гулким басом. - Сковорода-то... тю-тю.

- Вот ведь псячья дрянь, - выругалась я, - Анджей, больше некому.

Пройдя через кухню, я вышла на хозяйственный двор. Хлопец пытался унести награбленное по этой тропинке, мимо дровяного сарая, курятника, грядок с зеленью. Сковородка призывно блестела в свете обеих лун, прижав к земле кустик укропа. Анджей не первый и даже не десятый, кто пытался ее похитить. Болван! Помню, однажды к нам в Лимбург явился всамделишный вор, конкурентами нанятый. Тоже недалеко ушел. Теперь подпаском у пана Ежи работает, овцы, они безопасные, в отличие от чужих сковородок. Ежи! Завтра нужно будет к его соседке заглянуть. На всякий случай. Может, пан напраслину наговаривает про сглаз, а может, и нет.

Тетка ждала меня на пороге черного хода, я помахала ей сковородой:

- Нашлась пропажа.

- И Марек вернулся, - кивнула Гражина в глубь дома. - Не один, с приятелем.

- У него с этим быстро.

Я прошлепала через кухню, отодвинула занавеску. За столиком пана бургомистра сидели двое: мой чародей-работник-балабол и... Петрик с мельницы. Под его левым глазом чернел синячина, на голове красовалась шляпа

с павлиньими перьями.

- Добрый вечерочек, вельможна панна Моравянка, - поздоровался хлопец.

- Ночь уже, - ответила я неприветливо. - Добрые люди третий сон видят.

Марек смотрел на меня. Странно смотрел, как будто не узнавал. Понятно, моя Рузечка в одежде для спальни всю свою фантазию проявляет. Моя сорочка сшита из тончайшего малихабарского шелка, а халат вообще парчовый, с золотыми хризантемами по подолу и рукавам. Я с грохотом вернула на плиту сковородку и затянула пояс потуже:

- Ладно, долго не засиживайтесь.

- Панна Аделька, - чернявый кивнул на стол, - нужно помянуть Агнешку покойную. Так принято, чтоб путь ее к чертогам пана Спящего был короче.

Там стояла бутылка мутной сливянки и три чарочки. Парень был прав, есть такой обычай.

- Госька проснулась, - сообщила тетка, - сейчас спустится.

Марек поднялся, усадил меня за стол, придвинул еще один табурет.

- Чего это? - спросила заспанная, но причесанная и нарядная служанка.

- Агнешку поминаем, сюда иди, - распорядился балабол. - И захвати там за стойкой... Нет. Просто иди. Мы с панной хозяйкой из одной чарочки пить будем. Ну, за...

Сливянка - напиток невкусный, крепкий. Горячий шарик скользнул по горлу, заставил меня закашляться. Марек сунул мне неведомо откуда появившийся носовой платок утереться, допил из чарочки, бросил в рот ядрышко лещины:

- Хорошая швея была покойница. Не она ли панне Адельке этот шлафрок исполняла?

– Хорошая, – согласилась я, – но нет, не она.

– Значит, панна сама?..

Госька фыркнула:

– Панна Моравянка не знает даже, с какого боку в иголке ушко. Ежели чего зашить надо, так мне скажи, я справлю.

Столик пана бургомистра был на одного, мы сидели за ним вчетвером, очень близко друг к другу, я вполне могла пнуть девку носком тапочки, даже очень захотела, но сдержалась, рассматривая носовой платок Марека. Дорогой шелк, на нем вышита вензельная «М», завитушки которой украшают совсем уж крошечные колокольчики.

Налили по второй. Я послушно отпила. Можно было возвращаться в спальню, но я почему-то задержалась.

– Соленые орехи к пиву, – говорил Марек, щелкая пальцами шарики лещины и засовывая ядрышки себе в рот, – если пару мешков мне к обеду достанешь...

– О чем вообще разговор? – спросила я, протягивая раскрытую ладонь. – Поделись.

Чернявый отсыпал мне горсть из кармана:

– Петрик на своей мельнице потолка иерархии достиг и в него уперся. Это для любого мужчины очень обидно.

Хлопец обиженно вздохнул, Госька его похлопала по плечу, утешая, налила из бутылки всем. Марек схватил чарочку, придержал мне затылок, я отхлебнула, он допил. Щелкнула ореховая скорлупа. У меня во рту оказалось шершавое ядрышко, другое отправилось Мареку. Все это парень проделывал быстро и уверенно, продолжая говорить:

– Мужу за двадцать, а он до сих пор в помощниках у пана Мюлера. Богуславы нос воротят, не подходит жених. А у нас...

Я раздавила скорлупу и засунула орех в рот чернявому, чтоб он на мгновение замолчал:

- Что у нас?

Губы Марека задержались у моих пальцев, ответил мне Петрик:

- Уважаемым человеком стану. Вторым после Марека.

- Тебе сколько пан Мюлер платит? Талеров тридцать?

- Сорок, - махнул Петрик рукой, - но мы уже с Мареком на десятку договорились. Гонор дороже. Вы, хозяйка, не сомневайтесь, я работник хороший, сильный, не пьющий... почти...

Он выпил, крякнул. Чернявый наклонился к моему плечу:

- Я пообещал, что поручу ему у мясника закупаться, он бы и бесплатно согласился.

Мне это все не нравилось, особенно то, что жаркий шепот в ухо отдавался мурашками в самых странных местах.

- На два слова, пан пришлый, - поднялась я и пересекла залу.

В кухне за занавеской я обернулась к Мареку:

- Ты кем себя здесь вообразил? Хозяином?

Лампы мы не зажигали, черные глаза парня блестели в лунном свете, побаивающемся в окошко, как драгоценные опалы. Я вдруг поняла, что осталась с ним наедине, и что он вполне мог решить, будто я специально... Какой стыд!

- Нет, - сказал Марек грустно, - хозяйка ты, только плохая хозяйка, тебе эта роль не подходит и совсем не нравится. Ты ее без души исполняешь, как будто по привычке.

Очень обидно получилось, наверное, потому что было правдой. Если бы в этот момент чернявый балабол попробовал ко мне прикоснуться, получил бы по лицу кулаком. Но Марек не шевелился, продолжал спокойно говорить:

– Я все это вижу, и вижу, как ситуацию в трактире можно исправить. Не знаю, откуда во мне такие таланты, но в них уверен. Со мной, Моравянка, твой трактир процветать будет. Позволь только...

– Что исправить?

– Многое. От обслуживания до перечня подаваемых яств. Дом большой, просторный, а используется меньше чем наполовину. Сколько на втором этаже спален? Двенадцать? А заняты только три, и то работниками, это расточительно и неразумно. Если комнаты пустить под сдачу... Но тогда нужен еще повар и наемный музыкант. И еще: ты слишком много платишь поставщикам, таких цен нигде в Тарифе нет.

– Потому что два года трудных выдалось, – попыталась я оправдаться, ухватившись за последнюю фразу.

– Вот, – вздохнул Марек, – а нормальный трактирщик сначала о своем заведении думает. Тебе минимум бургомистром стать надо было или... Нет, супругой бургомистра тебе, скорее всего, не бывать.

– Почему? – спросила я из вредности.

– Потому... – Он опять вздохнул и, потрянув головой, улыбнулся. – Ты же меня не ругаться позвала? Скрепим договор нашим первым поцелуем?

Я фыркнула, отдернула занавеску:

– Сначала приведи трактир к процветанию, балабол.

И пошла к себе.

– Адичка, – басила тетка Гражина, когда мы поднимались по лестнице, – хороший хлопец, с пониманием. Если он трактирные обязанности с тебя снимет, хорошо получится.

– Я не понимаю, зачем ему это надо.

– Влюбился?

– Кто влюбился? – встретила нас Рузя. – В кого?

– Чародей в нашу Адичку.

– Вы ошибаетесь, тетечка, – я сбросила халат на спинку кресла и рухнула на постель, – там кое-что другое.

Уснула я почти сразу, а когда проснулась за час до рассвета, решила сходить к пану Ежи.

– Сквородку брать будешь? – поинтересовалась Рузя, закрепляя мои косы вокруг головы.

– Нет, мне только посмотреть. Другая тетечка где?

– Гражинка, когда Госька на боковую отправилась, сказала, на лестнице посидит, послушает, о чем парни за чарочкой болтают. Еще не возвращалась. Я, Адичка, пока ты отдыхала, в библиотеке порылась. Помнишь, ты вчера спрашивала, не слышал ли кто про оленя с золотыми рогами?

Эту историю накануне обсуждала в трактире компания пришлых лесорубов. Парни были странствующими работниками, нанятыми магистратом для вырубki леса на склоне ближайшей к городу горы Юнгефрау. Они хвастались, что видели чудесное создание, планировали на него поохотиться. Шутка ли, золотые рога!

Гражина сказала, что байка занятная, но вряд ли тревожная, многие люди мечтают сразу и без усилий разбогатеть, вот и фантазируют.

– Нашла я эту тварюку в бестиарии, – похвасталась Рузя. – Лет пятнадцать тому назад видали ее около Вомбурга. Жители тоже сначала обрадовались, на охоту вышли, только из охотников ни один в город не вернулся. И олень пропал. А потом...

– Новости! – раздался у порога басок тетки Гражины. – Чего расскажу.

– Пусть Рузечка сначала закончит, – решила я. – Продолжайте.

– Прикопаными охотников нашли, всех до одного, в общей могиле.

– Так что за тварь?

– Перевертыш-замануха. Волшебным своим видом добрых людей приманивает, а после жрет.

Это было серьезно, очень. Олень-людоед. Придется разобраться.

– Теперь я, – тетка Гражина проплыла к туалетному столику, за которым я сидела, – про Марека и его к Адичке интересе.

– Ну-ну. – Рузя про чувства любила больше, чем про всякие ужасы, она устроилась на моей уже прибранной кровати, подобрав под себя костлявые ножки, и приготовилась слушать. – Влюбился?

– Пожалуй, что нет. Он в себе пока не разобрался, с одной стороны его к Адичке тянет, с другой – образом, который он считает неправильным. Дружище Пьер, это он так ночью Петрика называл... – Голос Гражинки изменился, став похожим на Мареков, – Дружище Пьер, феи, с которыми я... Там дальше подробности всякие, Адичке их слушать не надо. Феи-проказницы сказали, что как только я нужную деву увижу, сам все пойму.

Около получаса я терпеливо слушала дословный пересказ обыкновенного пьяного бреда. Он увидел и не увидел, понял и не понял. Никогда еще такого не было, чтобы от близости женщины голова кружилась и члены слабели. Он же ого-го какой кавалер опытный, а тут не знает даже с какой стороны подступить.

– Это потому, – исполнялось тенорком Петрика, – что Моравянка – панна особенная. Думаешь, до тебя никто женихаться не пытался? Только она как камень или глыба ледяная, только дерется; наверное, кого-нибудь получше, чем простой хлопец, ждет. И, кажется, дождалась. Бургомистр, уж такой аристократ из аристократов, с первого взгляда воспылал. Как сейчас помню, в том году после лавины, все горожане на расчистке работали, на Княжью площадь карета въезжает, дорогая с гербами, лакеи дворца открывают, ручки подают нашему пану Килеру, а Моравянка в этот момент из магистрата выбегает. «Бинты нужны, – орет, – воду кипятите!» Ну, всю свиту бургомистрову к делу и пристроила, и пана начальника заодно, собственноручно тряпки на полоски драл.

– Этот рыжий фахан? Ха-ха! Точно, любовь.

– Тоже круги вокруг панны Адельки мотает, городской совет подговорил, чтоб поставщики цены повысили, а он потом несчастную деву спас.

– Чего? – всплеснула я руками. – Это Петрик говорил?

– Ну да, – подтвердила Гражина. – Все, кроме нас, оказывается, знают, если даже до помощника мельника слухи дошли. Успокойся, дальше еще интереснее.

Она изменила голос на Мареков:

– Ты, дружище Пьер, не замечал на шее прекрасной панны ранок, наподобие надрезов?

– Надрезы? Хи-хи. Представить даже невозможно. Ее, Адельку, с младенчества от ран берегли, Морава покойная не только ножи, даже иголки от нее прятала. Моравянка – единственная женщина в Лимбурге, да чего там, на весь Тариф одна, которая ни шить, ни вязать не умеет. Пану Килеру про то известно, но он перед всем советом на той неделе сказал, что его супруге домашней работой ручки мараить не придется.

Я закричала зубами. За моей спиной плетутся дурацкие интриги. Болваны! Целый город болванов. И этих людей я собиралась от оленя-людоеда спасать?

– Дальше Петрик заснул, прямо за столом, – сказала Гражина. – А чернявый стал залу шагами мерять, бормотал под нос невнятицу, я, кроме имени Адички, не разобрала ни слова.

– Спасибо, тетенька.

– Пустое. Делать-то что будем? Мне про раны на шее вопросы не понравились.

– А мне, – пискнула Рузя, – тревожно, что он бургомистра фаханом обозвал. Всем известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Тетки посмотрели друг на друга с тревогой, перевели взгляды на меня.

– Адичка?

Я вздохнула:

– Давайте по существу. Предположим, наш бургомистр действительно фахан. Если бы он меня сожрать хотел, неужели бы этого не сделал? Поводов, чтоб я будто случайно о что-нибудь оцарапалась, достаточно было.

– Может, время тянет, может, ты еще до самой вкусной кондиции не дошла, – предположила Гражина.

– А может, он влюблен и каждодневно с противоестественным желанием Адичку съест борется? – Рузя как всегда выдвинула самую сентиментальную версию.

– Я его спрошу, – пообещала я, – сегодня же. Марека прогоню, к пану Ежи загляну и в магистрат отправлюсь, там как раз приемный день.

– Прогонишь Марека? – удивилась Гражина.

– Разумеется. Он в себе пока не разобрался, но мне-то все яснее ясно. Его те же желания, что и пана бургомистра посещают – крови моей испить.

– А если он единственный, кто тебя от пана Килера защитить сможет? Или мы вдруг сами истребителями фаханов заделались?

Я уже открыла рот, чтобы сообщить о твердости принятого решения, но, озаренная пришедшей в голову мыслью, замерла. Двое охотников, преследующих добычу, непременно еще и друг с другом за нее сражаются. Тогда у жертвы может появиться шанс. У меня. Шанс.

– Тетечка Гражиночка, посмотрите, пожалуйста, где Марек. Если еще не проснулся, разбудите остороженько. Тетенька Рузечка, мне нужно переодеться. Давайте что-нибудь скромное, невинное, без вырезов. И чепец! У нас же есть такой, с крылышками?

Пока мы перебирали и отвергали наряды, Гражина успела вернуться:

– Марек к плите встал, не в зале, к кухонной, завтрак готовит. Петрика отправил к пану Мюлеру расчет получать, Гоську к плотнику Тесле, зачем, я не поняла. Сам свеж и весел, напевает что-то.

Я посмотрелась в зеркало. То что надо. Испуганная невинная овечка. Корзинку еще можно для полноты образа, заодно сыра у пана Ежи куплю.

Попрощавшись с тетками, я тихонько спустилась по лестнице.

Действительно, напевает. Странная песня, иноземная. И язык незнакомый, с гортанным протяжным «р» и обилием гласных. Отчего-то в животе стало щекотно. Пережидая это ощущение, я дослушала песню до конца и заглянула на кухню:

– Доброго утра, Марек.

Чернявый моргнул, его рука с деревянной лопаточкой замерла над плитой. Пахло яичницей, но на сковородке лежала круглая желтая лепешка, парень ее перевернул и тоже поздоровался.

– Прекрасная панна Моравянка в темный лес к волкам собралась? Или на жертвенный алтарь сегодня возлегает?

Улыбнувшись шутке, я прошла к сундукам, достала плетеную из лозы корзинку:

– Сначала за овечьим сыром к пану пастуху, а потом, пожалуй, к волкам. Только панне этот визит не страшен, с ней туда защитник отправится. Тебе сказали, что для работы в магистрате разрешение получит надо? Ну вот. Вместе туда пойдём.

– После завтрака. – Марек подхватил с плиты сковороду. – Панна Аделька разделит со мной скромную трапезу?

Лепешек из яиц я раньше не ела, поэтому согласилась. Мы накрыли в зале, чернявый разделил желтый круг на две половины:

– Это называется омлет.

Я попробовала, уточнила рецепт, оказавшийся совсем простым.

– Когда дело немного расширится, – сказал Марек, – мы сможем гостям по утрам завтраки предлагать.

Расширится? Ну-ну. Мечтай.

– Забавно, – улыбнулась я. Отправляя в рот ломтик омлета, – мне казалось, ты ничего мясного не ешь. А яйца – это ведь будущие цыплята?

Чернявый поморщился:

– Можно я сейчас подробно не буду объяснять, что такое яйца?

– А ты мяса никогда не пробовал? – сменила я тему. – Или не помнишь?

– Дошли уже слухи? У меня с памятью странно, тут помню, тут не помню. Про еду любопытство прекрасной панны могу удовлетворить. Когда-то очень давно, так давно, что и поверить сложно, мне пришлось жить в облике птицы. С тех пор вкусы и поменялись.

- Какой птицы? – уточнила я и без паузы задала еще один вопрос: – Сколько тебе лет?

- Попугая. Что же касается возраста, в одном прекрасном королевстве есть подходящая к случаю пословица: женщине столько лет, на сколько она выглядит, мужчине столько, на сколько он себя чувствует.

- Каковы в цифрах твои ощущения?

Парень улыбнулся:

- Я же маг, Адель, иногда столетия, иногда... Тебе сколько? Двадцать?

- Двадцать три.

- Идеально мне подходишь. – Он посмотрел на пустые тарелки. – Можем выступить. Гося приберет, когда от плотников вернется. Слушай, у нас денег свободных совсем нет?

- Нет! Зачем плотники?

Мы вышли из трактира, уже рассвело, и я кивала на приветствия горожан.

- Что значит «зачем»? Перекрытия менять, полы стелить. Деньги нужны. Талеров пятьсот для начала... Может, устроить сообщество пайщиков? – Он размышлял вслух, подлаживаясь к моим шагам, успевал тоже здороваться.

- В Лимбурге, – сообщила я, – такие суммы только в сундуках господина бургомистра водятся.

- Точно! Наш рыжеволосый фаханчик. Любопытно, за что... Испытание? Да какая разница. Пусть сундуки нам откроет...

- Испытание? – переспросила я.

– Ну там, – Марек пошевелил в воздухе пальцами, – в вышних сферах так принято, разных провинившихся к людям посылать.

– То есть в том, что пан Килер – фахан, ты полностью уверен?

– Разумеется. Я думал, вы все осведомлены. Тоже мне, тайна... Карл... Карлуша, Каракуша... Вертится что-то такое в голове... Знаешь, он же меня вчера узнал, узнал и испугался. Шляпу Петрика съем, если нет. О, сколько бы я отдал, чтоб в магическую башенку нашего бургомистра заглянуть!

Я посмотрела в сторону холма, башни было две, венчали симметрично оба крыла бургомистровых хором.

Пана Ежи дома, разумеется, уже не было, говорила я с хозяйкой пани Еживой. Дом подозрительной соседки она указала, влажный ком овечьего сыра завернула в тряпочку и опустила в корзинку, подмигнула:

– Не нужно денег, панна Моровянка. Подарок за услугу, так у нас еще с матушкой вашей заведено было.

Марек удивился:

– Что за услуга?

Хозяйка хихикнула и снова подмигнула, прежде чем попрощаться.

– Держи, – отдала я парню корзинку, – во дворе обожди.

И отправилась к указанному дому. Соседка была из пришлых, тех, кто переехал в Лимбург после памятного схода лавины. Поэтому и звали ее Новак. Жила она одна, подрабатывала плетением кружев, то есть едва сводила концы с концами. И, как будто для недоверия старожилов этого было мало, Спящий и супруги его наградили пожилую женщину отвратительной, отталкивающей внешностью. Бургомистр? Кто угодно в городе мог поклясться, что это не пан Килер, а плетельщица – переодетый фахан. Кто угодно, кроме меня. Я пани Новак жалела.

Марек не послушался, во дворе ждать не стал и, когда на мой стук открылась дверь, ахнул. Было от чего. Огромный нос женщины крючком нависал над толстыми бесформенными губами, почти встречаясь с бугристым подбородком, крошечные глазки смотрели из-под густых черных бровей.

– Доброго утречка, пани Новак, – сказала я приветливо. – Как здоровье вельможной пани? Мы с новым работником за сыром заходили, решили и к вам заглянуть.

– Трактирщица? – Глазки прищурились, совсем скрывшись в морщинах. – Надо чего?

– Хочу одну из ваших кружевных накидок приобрести. – Я достала из кармана передника несколько талеров. – Покажете, какие есть?

– Ты говорила, у нас денег нет, – шептал Марек, проходя вслед за мной в ветхий домик. – Маленькая лгунья.

Я сделала вид, что ничего не слышу, обошла гостиную, она же спальня, она же мастерская, заглянула на кухню, под кровать. Вот ведь пан Ежи – балабол. Наговаривает на старуху. У нее из потустороннего только кружева ее волшебной уродливости и размеров.

– Эту, пожалуй, возьму, – показала я на сетчатое полотно, растянутое вдоль глухой стены.

Торговаться не стала, заплатила, свернула покупку тучком, положила поверх сыра в корзинку. Повеселевшая пани Новак рассказывала, что здоровье ее стариковское, но пальцы дело помнят, что скоро к ней сестра из Замбурга приедет, и они в четыре руки столько красоты наплетут...

Я держала на лице вежливую улыбку, внутренне содрогаясь. Еще больше такой красоты Лимбург мог не перенести.

Пани Ежива поджидала нас у окошка. Я покачала головой. Жена пастуха улыбнулась и сложила перед грудью руки, вознося благодарственную молитву пану нашему Спящему.

– Я все понял, Адель, – сказал Марек, когда мы уже почти подходили к магистрату.

– Давай после поговорим.

Парень меня не услышал:

– За что? За что мне это все? За какие прегрешения? – Он воздел очи горе. – Я щекотал Спящего? Флиртовал с обеими его супругами? Вы так решили мне отомстить? Подсунуть этот ядовитый цветок, притворяющийся невинной лилией?

Марек развернулся на каблуках, ткнул пальцем мне в живот:

– Это что? Что вышито на твоём переднике? Лотос? Астра?

– Эдельвейс. – Я холодно улыбнулась. – Ты же именно аромат эдельвейсов чувствуешь, когда я рядом, правда? И тебе очень хочется сделать то, что нельзя – вцепиться в меня зубами и жрать, пока... Ай!

Корзинка качалась из стороны в сторону, упав на брусчатку, Марек крепко прижимал меня к себе, прикусив мою мочку. Страх не было, за свои двадцать три года я прекрасно уяснила, что кровь моя может открыться только в двух случаях: если я сама захочу или случайно, но тоже от меня.

– Что, пан маг, тяжко?

– Ты дева, чья плоть пахнет цветами, а на вкус слаще меда. Твоя кровь – чистое волшебство, испивший ее получит огромную, невероятную силу. Ты видишь то, что скрыто и... – Марек отстранился, повертел меня за плечи. – Откуда твоя сковородка?

Я освободилась и даже пнула чернявого:

– Меня ты не получишь.

– Это мы еще посмотрим, – Марек ухватил пояс моего передника, узел развязался, – кто тебя не получит.

Смуглые пальцы двигались очень быстро, через мгновение у меня на животе справа красовался изящный бант.

– Никто, кроме меня, Адель. Поняла? Ни человек, ни бессмертный, ни фахан из бездны.

– Это мы еще посмотрим, – вернула я обещание и зашагала к дверям магистрата. – Корзинку подбери.

В приемной бургомистра ожидали полтора десятка посетителей, и каждый из них заметил мой узел. Каждый.

– Бойкий какой хлопец, – одобрил пан Рышард, посасывая пустую трубку, – меньше чем за день Моравянку окрутил.

Пан Гжегож с подвязанной тряпочкой челюстью смотрел на чернявого с ненавистью. А тот принимал поздравления, многозначительно улыбаясь.

Пана Ясна выглянула на шум из кабинета:

– Следующий. Ах, нет, простите, пан Килер велел к нему пропустить пану трактирщицу без очереди.

Марек сунулся было следом, но секретарша быстро захлопнула дверь перед его длинным носом. Кабинет был огромным, как площадь, с золоченой мебелью, ткаными портьерами, картинами на стенах и люстрой, свисающей с потолка хрустальным водопадом.

– Адель! – Бургомистр поднялся из-за письменного стола.

Для начала я расплакалась, ткнула себе в живот и проговорила с протяжным всхлипом:

– Полюбуйтесь на это, вельможный пан!

Серые глаза мужчины метнулись от меня к секретарше.

Ясна скучно объяснила:

– В этой дикой местности традиционно узел справа носят девушки, у которых есть жених. Панна Моравянка обручена.

– С кем? – Бургомистр заморгал.

Я молча всхлипнула.

– Судя по разговорам в приемной, с новоприбывшим в Лимбург молодым человеком по имени Марек, – секретарша поморщилась. – И, судя по рыданиям этой невинной девицы, положением вещей она недовольна.

Мой новый всхлип можно было счесть за утвердительный.

Бургомистр обошел стол, приблизился и дрожащими пальцами перевязал узел по центру:

– Так лучше?

Я кинула, взмахнув крыльями своего огромного чепца:

– Только это ведь ненадолго, Карл. Потому что... Мне столько нужно рассказать, признаться... Ах...

Пан Килер подвел меня под руку к диванчику у окна, усадил, сам устроился в кресле напротив:

– Ясна, подай нам с Аделью вина.

Секретарша засемила по ковру вдаль. Я проводила ее взглядом, промокнула щеки бургомистровым шелковым платочком, вздохнула:

– Моя покойная матушка, как вы наверняка слышали, родила меня в преклонном уже возрасте...

Он не слышал, но уверенно кивнул, я продолжила:

– По этой причине уродилась я квелой, повитуха решила, что долго не протяну. Но матушка очень хотела ребенка. Поэтому отправилась на гору к феям, на ту самую, священную, на Авалон...

Бургомистр напрягся, ловя каждое слово. Я повертела в руках платочек. Дорогой тонкий шелк, вензельная «К», россыпь звездочек, корона.

– Слезы и молитвы моей несчастной матушки тронули сердце Светлой пани, и она позволила напоить меня росой Священного эдельвейса, что растет в ее священном пруду.

– Лотоса, – поправил бургомистр, – эдельвейсы в воде не живут.

– Вельможному пану виднее, – согласилась я и быстро спросила. – Если фахан выйдет против чародея, кто кого поборет?

– Ад-дель, – бедняжка заикался, – к чему эти вопросы?

– К тому, Карл, что кровь и плоть человека, напоенного волшебной росой, приобретает особые качества. Они пахнут цветами, на вкус как мед, даруют вкусившему их силу и привлекают всю нечисть, которая только может существовать в нашем мире и сопредельных. Я, слава пани Светлой Алистер, здорова, но могу ли я противостоять возжелавшему моей плоти чародею? Поэтому я и спросила. Если вы будете сражаться с Марекком, кто из вас победит?

– Фахан?

Я отмахнулась:

– Мне Марекк рассказал, внешне по вам не скажешь.

– А кому он еще рассказал?

– Судя по доносящимся до меня обрывках беседы в приемной, – панна Ясна уже вернулась и разливала из бутылки в хрустальные тонкие бокалы вино, – весь город узнает столь тщательно хранимую нами тайну еще до вечера.

– К обеду, – возразила я и понюхала густую бордовую жидкость в своем бокале, пахло необычно, но приятно.

Бургомистр задумчиво отпил из своего, покатав на языке, проглотил:

– Теперь моя очередь признаться, драгоценная моя Адель. Да, я демон, это название нравится мне больше, чем фахан; несчастный изгнанник из своего мира. Вы спрашивали, кто из нас победит? Если бы меня не сковывали страшные клятвы перед вышними сферами не причинять вред никому из людей, я сказал бы уверенно: я. Но...

– Ваше высочество, – сказала секретарша встревоженно, – поторопитесь, горожане с минуты на минуту выломают дверь.

– Адель! – Карл схватил меня за руку. – Этот человек крайне для вас опасен. Крайне! Он хитер, жесток и не остановится ни перед чем, чтоб завладеть силой вашей волшебной крови. Единственный шанс его одолеть – надеть артефакт подчинения, который не позволит магу... Я придумаю, как передать вам этот предмет и...

Тут дверь хлопнула обеими створками о стену, толпа горожан ворвалась в кабинет. Это был не бунт, всего лишь вышедшее из берегов народное обожание.

– Качать пана бургомистра! – прокричал Марек, подбросил к потолку мой чепец и отобрал бокал с вином. – Гадость страшная. Это я про головной убор. Вино, напротив...

Он покатав его на языке, как незадолго до этого делал Карл, и удивленно приподнял брови.

– Бордо Дювали двадцатилетней выдержки, – сказала секретарша с, как мне показалось, гордостью. – Что вы тут устроили, пан Марек?

Чернявый обернулся, посмотрел, как пан Килер взмывает к люстре – в высшей точке хрустальные висюльки дребезжали, – и опускается на руки горожан.

– Жители Лимбурга выражают радость оттого, что их бургомистр не какой-то заезжий дворянчик, а целый фахан. Это очень возвышает их город в сравнении с прочими городами. – Марек налил себе еще вина, сел рядом со мной. – И ты, женушка, радуйся. В свете открывшейся информации...

Черные глаза остановились на моем животе.

– Бунт на корабле? Дома поговорим. – Парень поднял бокал и прокричал: – Успокойтесь, добрые люди! Господин бургомистр тронут проявлением ваших чувств. Да поставьте его! Нет, пан Рышард, сегодня он вам крыльев не покажет. Конечно есть... Потому что такое зрелище заслужить надо. Расходимся, добрые люди, расходимся...

Марек схватил панну Ясну за руку, негромко проговорил:

– Нет-нет, милая, стражи не нужно. Почтенные горожане сейчас сами удалятся.

Секретарша злобно оскалилась, прикосновение ей не нравилось, отдернула руку:

– Шут!

– Крыса!

Тут я не выдержала и отвесила чернявому подзатыльник:

– Совсем берега попутал? Так девушку обзывать! Простите, пана Ясна, он у меня дурачок. Немедленно извинись!

Марек замер, прислушиваясь к ощущениям – рука у меня действительно тяжелая, – а потом медленно произнес:

– Молю прекрасную леди о прощении. В оправдание могу сказать, что не испытываю ни толики неприязни к... – Он растянул губы в хитрой улыбке и

гаркнул: – Крысам!

Панна Ясна, совсем спав с лица, гордо удалилась, наверное, за стражей.
Чернявый плюхнулся в кресло:

– Имей в виду, драчунья, я обид не прощаю и крайне изобретателен в мести.

– Женщинам в основном мстишь? – Угроз я не боялась. – Тогда можешь прямо сейчас приступить к планированию. Ступай. Нам с паном бургомистром нужно беседу закончить.

– Нам, именно нам.

Марек осмотрел пустеющий кабинет, помахал кому-то рукой, среди горожан мелькали мундиры стражи, пан Килер приближался к нам слегка нетвердой походкой. Чернявый отсалютовал ему бокалом, а когда бургомистр собирался присесть рядом со мной, молниеносно переместился из кресла на диван и обнял меня за плечи. Кажется, это называлось: обозначить территорию. Так поступали дикие лесные коты.

Карл выглядел растрепанным и очень уставшим, сел, нахохлившись, в кресло, грустно посмотрел на пустую бутылку на столике. Мы, все трое, молчали. Марека пауза не тяготила, он пил вино, шурился от удовольствия, время от времени проводил костяшками пальцев мне по щеке. Я, решив не устраивать скандала, смиренно сидела в мужских объятиях.

Пан Килер мне поможет, он обещал. Артефакт подчинения? Никогда о таких не слышала, нужно тетечку Рузю попросить в книжках порыться. А этот нахал Марек от меня получит. В мести он изобретателен! Да я...

Панна Ясна закрыла дверь, неслышно подошла:

– Господин прикажет вышвырнуть этого молодого человека?

Рука Марека на моем плече напряглась. Карл с трудом оторвал от нее взгляд:

– Не стоит. Этот... пан не доставит нам никаких неприятностей. Предположу, что он...

Бургомистр многозначительно приподнял светлые брови. Мужская рука переместилась с моего плеча на талию, понуждая встать.

– Этот пан, – сказал Марек дурашливо, – хочет побеседовать наедине со старым другом. Давай отпустим девушек и посидим за бутылочкой, как когда-то? А, Караколь?

Бургомистр холодно улыбнулся, кивнул:

– Ясна, девочка, проводи панну Моравянку к другому выходу и принеси нам вина. До свидания, Адель, как обычно, вечером я буду иметь счастье увидеть вас в трактире.

– Не будем утруждать прекрасную панну секретаршу. – Марек пружинно встал. – Я сам принесу вина и лично провожу свою...

Втроем мы пересекли кабинет, Ясна толкнула замаскированную шпалерами дверцу:

– Пожалуйста сюда.

Это был крошечный рабочий кабинетик: светлая удобная мебель, высокое окно. Секретарша подошла к шкафу, отодвинула створку, пробежалась пальцами по горлышкам плотно стоящих бутылок:

– Пожалуй, эта.

– Караколь? – спросила я Марека.

Тот фыркнул:

– Не знаю, откуда у меня в голове это имя появилось. Зато знаю, после чего. После твоей оплеухи. И раз оно оказалось правильным, так уж и быть, Аделька, в этот раз я тебя прощаю. – Марек быстро перевязал многострадальный узел

моего передника. – Чтоб, когда я в трактир после беседы со старым другом вернусь, бант так и оставался. Поняла?

Ясна сунула ему бутылку:

– Возвращайтесь к господину. Панна Моравянка покинет магистрат через...

Она кивнула на дверь у окна. Я попыталась втолкнуть Марека в кабинет бургомистра, парень выдержал натиск и предпринял ответную атаку. После нескольких минут пыхания и толчков я, с позором капитулировав, оказалась во внутреннем дворе магистрата. В моей руке покачивалась корзинка с сыром и кружевной накидкой.

Караколь ждал в кресле, пока закончится суэта. Тревоги он не ощущал, напротив, его переполняло воодушевление. Все-таки люди – удивительные создания. Горожане восприняли новость о том, что их бургомистр – демон, без страха. Они приняли его и даже почти полюбили. Представление зловредного Мармадюка привело к неожиданным результатам. Но расслабляться, разумеется, рано. Этот волшебник уже заявил свои права на Адель, нисколько не считаясь с чувствами девушки.

Дверца секретарского кабинета хлопнула. Мармадюк нес в руках полдюжины бутылок и улыбался:

– Что ж, теперь, когда мы остались одни... – Он поставил ношу на столик, ловко хлопнул ладонью о донышко одной из бутылок, выбил пробку, разлил вино по бокалам. – За встречу? Панна Ясна знает толк в Ардерских винах.

– За что тебя сослали в этот мир? – спросил фахан.

– Меня? – удивился Мармадюк. – Ни малейшего представления не имею. С моей памятью что-то странное, тут помню, тут не помню. Например, знаю, что тебя зовут Караколь и ты, кажется... Нет, абсолютно точно, ненаследный принц нижнего мира. Крысиный принц. Это не в качестве оскорбления, просто такой факт. Может, если ты сообщишь мне мое имя...

Фахан не торопясь смаковал благородный напиток:

– Не вижу причин тебе помогать. Ты явился в мой город, устроил переполох, пристаешь к моей избраннице.

– Ревнуешь, что мои приставания гораздо действеннее твоих? Сколько ты прекрасную Морavianку обхаживал? Год? Полтора?

Караколь скрипнул зубами, но ответил с достоинством:

– Благородный мужчина не использует в любви принуждение.

– Но организовывает препятствия в деле, которым женщина занята? Подговаривает поставщиков, повышает налоги в надежде, что от безденежья и растерянности плод сам упадет в руки? Не волнуйся, пока Адель об этом не знает.

Покрасневший фахан сдержал вздох облегчения:

– Мои чувства к панне Морavianке искренни.

– Брось, ты точно так же, как и я, мечтаешь ее сожрать. Только, в отличие от меня, не сможешь.

– Дева, в чьей крови священный лотос, сама должна...

– Лотос? – перебил Мармадюк. – Разве не эдельвейс?

– Светлейшая леди Алистер напоила ее росой цветка из своего пруда.

Черные глаза мага хитро блеснули:

– Неважно. Главное, что девушка достанется мне до последней крошки. И тогда я вспомню все и верну то, что у меня отняли.

Караколь поморщился. Это был тот Мармадюк, которого он знал. Жадный, беспринципный, скрывающий за легкомысленной бесшабашностью хитрый расчет. Он действительно не помнит или лжет? Не важно. Драгоценная Адель очень скоро украсит мерзавца волшебным браслетом, и тогда Мармадюк будет делать то, что ему велят.

Маг распечатал вторую бутылку:

– Может, не сейчас, не скоро, а через несколько лет или даже несколько десятков лет. Для нас с тобой время – ничто, а Моравянка начнет стареть и сама предложит... Но тогда придется на ней жениться!

От мыслей о женитьбе Мармадюк вздрогнул, чем заставил фахана внутренне усмехнуться:

– Видишь ли, Марек, я направлен в этот мир вышними сферами, чтоб защищать людей. И не позволю тебе причинить вред невинной девушке.

– Невинной? – Волшебник прикоснулся к затылку. – Ты бы не говорил так, получив от нее затрещину. Такой темперамент. Ну ладно, позиции мы с тобой обозначили. Ты не дашь причинить вред, но и не сможешь помешать деве отдаться с потрохами по своему желанию. Поговорим о другом.

– О чем же?

– Ссуда, господин бургомистр. Три тысячи талеров, чтоб исправить ваши жалкие попытки разорить трактир «Золотая сковородка».

– К сожалению, пан Марек, вынужден вам отказать. Не в моих привычках бросать деньги на ветер. Но, если позволите, дам вам небольшой совет.

– Весь внимание.

– Вы можете попробовать заработать. Неподалеку от Лимбурга лесорубы заметили волшебного золоторого оленя. У меня есть основания считать, что это создание – опасный оборотень-людоед. Магистрат сегодня объявит награду за его поимку. Принесите мне голову твари, получите тысячу талеров и

попытайтесь с этой суммой подольститься к вашей прекрасной хозяйке.

- Тысячу? - переспросил Мармадюк азартно. - Всего тысячу талеров? А ты потом отчитаешься в вышние сферы и получишь жирный плюсик?

Караколь кивнул:

- Сделка есть сделка. Рано или поздно этих плюсиков станет достаточно, чтобы я смог вернуться туда, где мое место. И учти, за убийство безумного волшебника, пытавшегося сожрать девушку, меня тоже похвалят.

- Договорились.

- Тебе придется очень постараться, объявления о награде уже развешены по всему городу, много охотников немедленно отправятся выслеживать оленя. Мои люди...

- Точно! - Мармадюк хлопнул себя по лбу и пружинно поднялся. - Твоя секретарша. Драгоценная панна Ясна, мой документ готов?

Чародей пересек кабинет, заглянул в соседний, обернулся, помахивая в воздухе бумагой:

- Благодарю вельможного пана Килера за разрешение и за плодотворную беседу. Рад буду видеть вас в своем трактире, всех благ, хорошего дня...

Не переставая говорить и прихватив с собой четыре бутылки вина, Мармадюк вышел в приемную.

- Как его много, - пожаловалась Ясна.

Фахан посмотрел на девушку с улыбкой:

- Ты прекрасно со всем справляешься. Панна Моравянка получила артефакт?

– Нет, господин. Этот... не спускал с нее глаз. Придется действовать хитрее. Я спрячу шкатулку в условленном месте, а вы вечером сообщите Адельке, где ее забрать.

– Так и поступим. И очень скоро наш утомленный охотой за оборотнем жених получит свою награду. А после... Ясна, представь, насколько комфортно и безмятежно можно будет жить с ручным магом. Мы будем приказывать ему сражаться с чудовищами, пополнять нашу копилку добрых дел.

Остренький носик Ясны задрожал, как будто она собиралась заплакать. С ней это случалось всякий раз, когда хозяин вместо «я» говорил «мы».

– Ваше высочество, я хорошо разбираюсь в ядах и дурманящих зельях. Одно из них подавит волю панны Моравянки, и она добровольно... – девушка помялась. – Я имею в виду, что вы сможете, абсолютно ничем не рискуя, получить большую силу.

– Ты еще слишком юна, моя дорогая помощница, – Фахан погладил Ясну по голове, – поэтому не понимаешь моих чувств к Адели. Разумеется, я хочу ее плоти, но еще больше желаю саму девушку. Для меня она особенная. Мы с ней станем супругами, проживем долгую счастливую жизнь и, если у последней черты моя Адель предложит мне силу... Что ж, тогда я не буду отказываться.

Пан бургомистр вернулся к делам, до самого вечера работал с бумагами, принимал посетителей, отдавал распоряжения и не замечал, что всякий раз, когда его секретарша скрывается в своем кабинетике, оттуда доносятся звуки сдавленных рыданий.

Глава 3

Чесночный поцелуй

По дороге домой я мысленно составляла подробнейший список. Укус, пусть не больно, но он был, объятие, бант два раза, обзывательство бургомистровой секретарши. Нет, это вычеркиваем, за него я уже отомстила. А вот банты...

Могла ведь сразу наглеца на место поставить. Или у тебя, Моравянка, своих рук нет? Кому другому живо бы затрещину отвесила и перевязала передник как было. Ну и что, что скандал? Себе хоть признайся, тебе понравилось ощущать себя слабой, обычной панной. Один раз понравилось, слабинку дала, вот Марек и воспользовался.

В центре площади у доски объявлений возбужденно переговаривались горожане. Я тоже подошла, узнать новости, прочла приколоченный к доске документ. В нем обещалась награда в тысячу талеров тому, кто принесет в магистрат голову золоторого оленя, замеченного у подножья Юнгефрау. Внизу мелкими буквами сообщалось, что зверь может быть опасен.

– Какая опасность от оленя быть может? – спрашивал пан с седым бакенбардами. – Это же не волк, даже не кабан дикий.

– Такие деньжищи только за очень опасного зверя...

– А вот если, к примеру, обычному оленю рога позолотить... – говоривший умолк, видимо, не желая делиться с окружающими прекрасной идеей, и побрел в сторону лавки красильщика.

– Это оборотень, – сказала я. – В Вомбурге пятнадцать лет назад от такого же много народа погибло.

В толпе кто-то негромко объяснял соседу:

– Панна Моравянка, трактирщица. Она в таких всяких штуках разбирается.

Я предупредила, больше сделать ничего не могла. Кто хотел, услышал. Зря все-таки пан Килер награду за перевертыша назначил. Очень зря. Деньги приличные, многие горожане отправятся на охоту. И многие не вернуться.

С другой стороны, с оленем надо до праздника разобраться. Если от золотых рогов пострадает кто-нибудь из приглашенных гостей, репутация Лимбурга тоже пострадает безвозвратно. Вот бургомистр и торопится.

В трактире было полно народу.

- Что за переполох? – поймала я на лестнице Госю.

Девушка попыталась вырваться, не преуспела:

- Хозяин велел плотникам...

- Какой еще хозяин? Когда велел?

- Ой! – Госька как будто сейчас меня рассмотрела. – Панночка Моравяночка, вы. Не хозяин, оговорилась. Марек вчера сказал, чтоб мы плотников для ремонта наняли.

- На какие деньги?

- Ну... это... – Девушка перешла на заговорщицкий шепот. – Петрик у пана Мюлера неплохо зарабатывал, я тоже... У каждой ведь незамужней панны кубышечка на свадьбу собрана?

Я кивнула, хотя никакой кубышечки у меня никогда не было.

- Значит, Марек у вас деньги в долг взял? Под проценты? Когда обещал отдать?

- Пусть панна хозяйка о том не тревожится. Марек сказал, сами разберемся, по-свойски.

За распахнутой дверью одной из комнат второго этажа раздался громкий смех, на порог выпорхнула босая девица с подоткнутым подолом, по виду – крестьянка.

- Доброго денечка, госпожа-пани-хозяйка, – поклонилась она, держа на весу два ведра.

- И тебе не хворать...

Девица протопала вниз, скрылась в кухне, видимо, отправилась выплескивать на заднем дворе грязную воду.

– А это кто? – повернулась я к Гесе.

– Просто какая-то девка деревенская, из Застолбенек, их с десяток помогать пришло. Пан Марек сказал, я сама с уборкой не справлюсь, и велел Петрику, когда он с паном Мюлером закончит...

Я решила, что узнала достаточно, не дослушав, поднялась к себе. Вот как он это делает, Марек? А? Почему все его слушаются? И как, песья дрянь, он все успевает?

– Адичка, – метнулась ко мне из тени тетка Рузя. – Какие новости?

– Гражинка где?

– Да неужто она такой переполох пропустит? Внизу где-то наблюдает. Пан наш Спящий! – Обратив внимание на завязку моего передника, Рузя всплеснула ручками. – Бургомистр?

Я выругалась, покачала головой, бросила на пол корзинку и рухнула в кресло:

– Пан чародей права на мою вкусную особу заявил.

Рузя погладила меня по голове, утешая:

– Ну-ну, Адичка... Он тебе совсем не нравится? Гражинка говорит, ладный хлопец, хоть не красавец. Стерпится, слюбится.

– При чем тут любовь, тетечка? Марек просто не желает, чтоб кто-нибудь другой от меня первым откусил, вот соперников таким образом отгоняет. В основном пана Килера. И, главное... – Я начинала горячиться, шипела как колбаска на сковороде. – Места для маневра мне не оставляет, по периметру обложил. Трактир в порядок приводит, дело расширяет. Что я могу? Запретить? Поскандалить? И как это будет выглядеть в глазах людей?

Костлявые пальчики Рузи массировали мой затылок, это успокаивало, я прикрыла глаза и откинулась на подголовник:

– А бургомистр наш оказался фаханом, целым принцем.

– И ничего страшного, – решила тетка. – Фахан – тот же чародей, всей разницы, что не из нашего мира. Он-то как на твое обручение среагировал?

– Помочь обещал... Ой! – Я села прямо. – Чуть не забыла. У нас в библиотеке, кажется, фолиант был про волшебные артефакты.

– Про какой именно искать?

– Амулет подчинения. Карл... то есть пан Килер мне один такой одолжит, чтоб я попробовала Марека приструнить.

– Я посмотрю, Адичка. Ты пока ступай отдыхать.

И я отправилась в спальню, ночью предстояло идти к Юнгефрау, несколько часов сна сейчас были бы очень кстати.

Ничего страшного, мы со всем разберемся. И с Мареком, и с фаханом.

Тетка раздернула шторы с таким расчетом, чтоб постель заливал яркий дневной свет. Так прибуды не могли ко мне подобраться, солнца они не переносили. А я могла спать при любом освещении. Да что там свет, я, кажется, могла бы заснуть стоя. Даже грохот плотницких молотков, от которого сотрясалось здание, мне не мешал.

Проснулась уже в сумерках под еле слышный шепот родственниц.

– ...пусть женится или тот, или другой. Это рано или поздно должно было произойти.

– Но Адель его не любит.

– Еще бы она могла любить после нашего с тобой, Рузька, воспитания. Морава тоже постаралась. «Не доверяй никому, любой может врагом оказаться, будь сильной, будь беспощадной...» Когда другие девочки в дочки-матери играли, ко взрослой жизни готовились, наша по кладбищам за умертвиями скакала.

Двадцать три года уже воительнице, еще немного – и перестарок. Может, оно и к лучшему, красота отцветет, заживем спокойно.

– Отцветет? – Костлявые пальчики тетки Рузи провели по моей скуле. – Разве такие цветы вянут? И, Гражинка, неужели наша девочка достойна такого будущего? Ей на балах блистать нужно, с кавалерами в танце кружиться, наряды три раза в день менять.

Я зевнула и села на кровати:

– А на балах со сковородками пляшут?

Тетки переглянулись и захихикали.

– Будешь ей обмахиваться, вместо веера.

– И стучать по голове партнера, если он мне на ногу наступит! – Я вскочила с кровати, изобразила танцевальное па, замах, удар, разворот. – Вот так вот!

Пока я плескалась под душем, а Рузя подбирала одежду, Гражина отчитывалась о делах в трактире.

– Марек час как вернулся, плотники с перекрытиями закончили, деревенские до сих пор хлопочут, прибираются. Адичка, я так поняла, мы теперь с ночевкой гостей принимать будем?

Я пожала плечами:

– Попробуем. Идея неплоха. Действительно, второй этаж простаивает без дела.

– Марек Гоську на первый переселил, в каморку у кухни.

– К себе под бок?

– Сам он собирается наверху обосноваться. Слышишь шум в детской? Там деревенские девицы порядок наводят.

Детская, то есть моя бывшая комната, была через стену от ванной. Кроме женских голосов до меня доносился и говорок чернявого.

– Я ему этого не позволю! Тетечка Рузечка, давайте одеваться. Сейчас я такой скандал устрою!

Синяя пышная юбка, блузка и белоснежный передник были разложены на кровати.

– Поскандалишь – сюда возвращайся, – сказала Рузя, – я кое-что об артефактах подчинения нашла.

Гражина пробасила, появляясь в дверях ванной:

– Момент упущен, Марек вниз спустился.

Я прикинула, что бегать за парнем по лестницам будет нелепо, и махнула рукой:

– Пусть пока развлекается, думает, что я овечка кроткая. Давайте про амулет, тетечка?

– Артефакты подчинения во всех мирах чародеям известны, изготавливают их подгорные цверги. – Рузя мерила шагами спальню, как будто учитель, вдалбливающий знания нерадивым ученикам. – Действуют просто. Тот, на кого это украшение надели, либо послушен воле хозяина, либо наказан болью. Не просто болью, она все время усиливается, пока носитель не подчинится. Бывали случаи, когда носители от нечеловеческих страданий прощались с жизнью.

– Как надеть? – Я с усилием подавила в себе искорку сострадания к Мареку.

– Про это не написано. Надеть, произнести заклинание-привязку. Предположу, что пан Килер это заклинание Адичке сообщит.

– Погодите-погодите... – Гражина замахала руками. – Я правильно понимаю, что наш чародей станет слушаться только пана бургомистра? Адичка, тогда тебе нужно заранее с Килером договориться, чтоб он Мареку велел тебе вреда не причинять и...

– Разберемся. – Я закончила одеваться и присела к туалетному столику заколоть волосы. – И нацепим на чародея артефакт только после того, как будем абсолютно уверены, что по-другому никак.

Мысленно проигрывая возможное развитие событий, я начинала опасаться. Сейчас Марек с фаханом соперники. Что произойдет, когда они станут играть на одной стороне? Когда объединят усилия?

В трактирную залу я спустилась к открытию. Она пустовала, снаружи доносился шум голосов. Гося стояла на пороге спиной ко мне.

– Что происходит? – спросила я, приблизившись.

– Ой, панна хозяйка, – девушка хихикнула и прикрыла рот руками. – Марек с деревенскими за работу рассчитывается. Такая потеха! Поцелуями!

Я шагнула на крыльцо. Его плотным кольцом окружала толпа горожан. На свободном пространстве гуськом выстроились девицы разного возраста и степеней пригожести. В начале очереди лицом к ней, подбоченясь и лучезарно улыбаясь, стоял чернявый:

– Спасибо, красавицы, за работу. Со всеми расплачусь, никого не обижу.

Он наклонился и приник в первой девушке в жарком поцелуе.

Толпа одобрительно заулюлюкала. Оттолкнув покрасневшую девицу, Марек схватил за печи следующую. Какая гадость!

Фыркнув, я ушла на кухню. Петрик заливался слезами, кромсая ножом очищенные луковицы.

– Зачем столько?

– Марек сказал...

И тут Марек, везде он. Как же его много, псячья дрянь!

– Пусть панна Моравянка не тревожится, мы к вечеру подготовились, четыре пивных бочонка я за стойку откатил, брецелей булочник принес с запасом, посуда блестит, огонь горит...

– Яйца! Петрик, где яйца? – в двери вбежал растрепанный Марек. – Аделька, отодвинься. Держи, взбивать будешь.

Он сунул мне в руки венчик и глиняную миску, посмотрел на белоснежный передник, хмыкнул, перевязал узел справа:

– Мне тоже нужен фартук. Петрик, не спи, брось лук. Хватит, иди Гесе в зале помогать. Адель?

– Что? – спрятала я за спину венчик, которым за мгновение до этого собиралась огреть чернявого.

– Дай мне фартук!

Достав из сундука рабочий льняной передник, я протянула ему:

– В наших краях мужчины такого не носят.

– Постараюсь запомнить. Не спи! Сбивай яйца, щепотку соли, горсть муки. – Он забрал с разделочного стола нож, протер его и убрал в держак.

Я смотрела на корзинку с яйцами.

– Совсем ничего не умеешь? – Марек, уже успевший надеть фартук, ловко взял яйцо, ткнул им о край миски, вылил в нее содержимое, а скорлупу бросил в помойное ведро, все это он проделал одной рукой. – Вот так.

Оправдываться я не стала, много чести, разбила в миску десяток яиц, посолила и стала сбивать, добавляя понемногу муку.

Сосиски мы жарили при гостях в трактирной зале, на кухонной плите обычно тушилась в толстостенном котле капуста, иногда варился картофельный суп с

клецками. Марек поправил поленья, вылил в чугунок целую бутылку масла:

- Превосходно. А чего это моя вельможная панна такая тихая? Не проснулась еще?

- Гося рассказала, что я днем обычно сплю?

- И так понятно. Ночь для тебя опасна, со всей округи лессеры собираются на цветочные запахи твоего тела.

Лессеры, в умных книгах так называли низших демонов – приблуд, умертвий, стригоев, перевертышей. Да, собираются.

- Ну ничего, панна Моравянка, теперь я тебя охранять буду, и днем, и ночью. Если что, зови, мне прелестные пейзажи холостяцкое гнездышко неподалеку от твоих покоев обустроили.

- Это те, с которыми ты поцелуями рассчитался?

- Пока не разбогатели, приходится экономить. - Парень улыбнулся, подвинул к плите миску с кляром, обмакнул в него луковое колечко, бросил в котелок с горячим уже маслом. - Я в Застолбеньках ночевал, прежде чем в Лимбург отправиться, ну и завел кое-какие знакомства. Попросил Петрика... Дальше ты знаешь.

Марек говорил, не прекращая работу. Десятки луковых колец шипели в раскаленном масле, подрумяненные он доставал черенком деревянной ложки и раскладывал на подносе, который заранее застелил вощенной бумагой.

- Попробуешь? Это вкусно. - Он протянул мне ложку.

Я посмотрела в черные как ночь глаза:

- Совсем дурочкой меня считаешь? Думаешь, я сейчас рот раскрою, обожгусь. Крови от этого будет немного, но тебе хватит, чтоб приглашением воспользоваться.

Марек даже не смутился:

– Слишком просто, согласен. – Он забросил в котел новую порцию. – Пожалуй, я был бы немного разочарован. В охоте, моя драгоценная, процесс часто важнее результата. Кстати, на правах... позволено ли мне узнать... Святые бубенцы, как же с невинными девами сложно!

Он раздраженно бросил ложку на стол:

– Короче! Адель, как ты справляешься с опасностью в особенные женские дни?

Отвесив нахалу звонкую пощечину, я ушла в зал. Совсем берега попутал, о таком спрашивать! Справляюсь, раз жива, пока справляюсь.

Гося сновала между столами, Петрик жарил колбаски, наливал в кружки пиво. За стойкой он выглядел солидно, как будто настоящий трактирщик. И, что важно, сам не пил. Я потопталась, решая, чем заняться, и поняла, что для меня работы как бы и нет. Из-за занавески вышел Марек с подносом, на смуглой щеке отчетливо краснел отпечаток моей пятерни.

– Вельможные паны, пани-красавицы! Только сегодня трактир «Золотая сковородка» предлагает вам бесплатное угощение! Хрустящие колечки, тающие во рту. Идеальная закуска к пиву!

Он медленно пошел вдоль столов.

Пан Рышард, наш завсегда, попробовал жареный лук первым, пожевал, поднял глаза к потолку:

– Помнится, годков сорок тому, малихабарский чаровник в наши края забрел, только сушенными кузнечиками питался, а после шпаги глотал.

– Так на что похоже? – спросили Рышарда. – На жуков или на шпаги?

– Чего? – Пан взял другое колечко. – Мне просто так вдруг вспомнилось, к слову. А это вкусно.

Несколько рук одновременно потянулись к подносу:

- Да понемногу берите, чтоб всем хватило!

Марек пошел дальше. Пан Рышард облизнул пальцы, обратился к соседу:

- Видали, как наша панна Моравянка женишка разукрасила? Форменное клеймо на роже изобразила.

Ему ответил женский голос из центра залы:

- И правильно, я бы своего за поцелуи с другими бабами еще бы и сковородой приголубила.

Под дружный хохот я скрылась на кухне. Нет, это уже совсем никуда не годится. Быстрее бы бургомистр явился, его присутствие утихомирит всеобщее веселье. От нечего делать я встала к плите. Колечки подрумянивались, я раскладывала их на бумаге. Забавная закуска, и рецепт несложный. Когда таз с нарезанным луком опустел, я сполоснула руки и выбрала самое красивое колечко. Корочка хрустнула на зубах. Неплохо, очень неплохо, соли больше не надо, а вот какой-нибудь соус, чтоб можно было обмакнуть. Например, чесночно-сметанный, и подавать в маленькой плошечке. Я достала из шкафа чистую посуду, налила в миску сметаны, выдавила головку чеснока, размешала, попробовала. Прекрасно. Значит, на блюдо дюжину колечек рассыпью, с краю... Я поискала глазами подходящую плошечку, не нашла и просто отломала черенок деревянной ложки. Вот так!

- Я вдохновил мою драгоценную на эксперименты? - Марек поставил опустевший поднос, потянул носом и поморщился. - Чеснок?

- Со сметаной. Вкусно получилось и к твоим хрустикам подходит.

- Ненавижу чеснок. Но, пожалуй, предложу эту размазню гостям. Вдруг зайдет. - Он поставил миску с соусом на поднос, ссыпал вокруг нее готовые колечки, взял одной рукой поднос, другой - блюдо с обломанной ложкой. - А эту композицию получит любезная пани, которая предложила несчастному избитому хлопцу заслужить прощения поцелуями. Умоляю, Аделька, помой руки с мылом, прежде

чем в залу возвращаться.

Я торжественно отерла ладони о кухонное полотенце.

– Обойдешься. А целовать будешь ту самую любезную пани. – И вышла из кухни, расправив плечи.

Вечер продолжался, я сидела за столиком бургомистра, там нашлось единственное свободное местечко, изображала хозяйку. Только изображала. Настоящим хозяином был Марек. Это он успевал перекинуться словечком с каждым, предложить добавки, послать Госю наполнить опустевшую кружку или принести еще брецелей. А я... Немножко утешало, что мой соус гостям понравился.

– Такой же острый, как панна Моравянка, – отшучивался Марек в ответ на комплименты. – Конечно, будем и впредь подавать. Завтра начнем. И хрустики. Как называется? Я еще не придумал, если вельможное общество желает, предлагайте варианты.

Его спрашивали, отчего грустит панна Аделька, да почему нынче бургомистр не удостоил трактир своим визитом, и не связаны ли между собой эти два факта. Марек легко и забавно отвечал остроловам, но мне показалось, что он злится. Не то чтобы я специально его рассматривала или изучала, но крылья длинного носа подрагивали, а на скулах выступили желваки.

– Давно я так не выкладывался, – сказал Марек вполголоса, выглянул в окно и плюхнулся на стул бургомистра напротив меня. – Публику нужно развлекать, иначе она разбежится искать впечатлений в других трактирах.

– Ближайший в Замбурге, – хмыкнула я. – В добрый путь.

– Я о том, что сегодня изображаю шута не повелению сердца.

Дверь открылась, впуская пана Килера. Я поднялась, чтоб приветствовать гостя. Марек завопил:

– Вельможный пан бургомистр, рады видеть вас в этой скромной обители. – Он цепко схватил меня за запястье, мешая выйти навстречу Карлу. – Будьте моим заступником, объясните недоброй Моравянке, что это из-за вас я тех девиц целовал.

Бургомистр, как будто изменение обычного ритуала повергло его в ступор, замер у порога и уточнил, в чем именно его обвиняют.

– Ну как же! – Чернявый обвел взглядом залу. – Это же вельможный пан мне нынче в кредите отказал, и поэтому пришлось за работу натурой расплачиваться. А панна Моравянка, вы же ее знаете, обиделась и прощать меня не желает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korostyshevskaya_tat-yana/skovorodka-sudnogo-dnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)